

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования

**«Уральский федеральный университет
Имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Институт гуманитарных наук и искусств
Департамент «Филологический факультет»**

Кафедра риторики и стилистики русского языка

Национально-культурная семантика числительных в русских фразеологизмах

Магистерская диссертация
студентки 2 курса
Никифоровой Н. В.

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор
Михайлова О. А.

Екатеринбург

2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования.....	9
1.1. Проблема взаимоотношения языка и культуры.....	9
1.2. Актуальные проблемы фразеологии в современной русистике.....	17
1.3. Символика чисел в национальных культурах.....	40
Глава II. Семантические особенности русских фразеологизмов с числовым компонентом	55
2.1 Лексемы <i>один/первый</i> в русской фразеологии.....	55
2.2 Лексемы <i>два/второй/оба</i> в русской фразеологии	68
2.3 Лексема <i>семь</i> в русской фразеологии	83
2.4 Лексемы <i>сто/сотня</i> в русской фразеологии.....	94
Заключение.....	101
Список словарей.....	104
Список литературы.....	107

Введение

Фразеологизмы, (далее – ФЕ), как и слова, являются важнейшими единицами языка, его «строительным материалом». Проблема системного изучения фразеологии и лексико-фразеологической системы русского языка находится в центре внимания современных лингвистов. Анализ семантики фразеологических единиц, выявление специфики фразеологического значения, изучение системных отношений между фразеологизмами, исследование важнейших процессов фразеобразования, изучение тематических группировок фразеологизмов способствует более глубокому проникновению в семантические процессы в составе фразем.

Фразеология остается средством действующей мысли, в которой и реализуется представление о мире. Фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Именно поэтому все фразеологизмы обладают лингвокультурной спецификой. Культуроносный компонент присущ любому элементу языка, однако особого внимания заслуживает фразеологическая часть языка. Непосредственная культуроносность фразеологической системы гораздо более четко и прозрачно выражена по сравнению со стилистически нейтральным словарем. Данное свойство обуславливает особый статус фразеологической сферы в формировании концептуальной картины мира в сознании носителей языка, относящихся к разным культурам.

Многие русские фразеологизмы включают в свой состав числительные, которые также несут в себе культурно-специфическую семантику.

Закрепленная в языке типичная процедура счета предполагает точную количественную атрибуцию объектов, основная цель ее — помещение предмета в числовой ряд и определение его места в этом ряду. *Считать до девяти, семь столов, второй человек* — здесь числительное выступает в своем основном значении и указывает на конкретное количество. Однако в составе устойчивых сочетаний числовой компонент может наделяться вторичной семантикой: *в двух шагах`близко`, семь потов сошло`затрачено много усилий кем-либо для выполнения, осуществления чего-либо`*. В процессах семантической деривации на базе числительных отражаются наивные представления носителя языка о счетной процедуре (кто считает, что считают, что есть «много» и «мало» в отношении к конкретным счетным предметам и т. п.). Выявление особенностей понятия числа вообще и в русской культуре в частности позволяет выйти на семантику числительных и на их семантические особенности во фразеологизмах. Поэтому исследование фразеологизмов с числительными (или нумеративных ФЕ) оказываются наиболее показательными с точки зрения выявления культурных смыслов числа [Шабалина 2010, Шао Наньси 2009]. В фокусе нашей работы семантический анализ идиом, содержащих компонент «числительное», как реально материальное воплощение концепта числа в национальной картине мира. **Актуальность** нашего исследования обусловлена необходимостью исследования числительных с точки зрения отражения в них этнокультурных особенностей понятия числа, значимостью изучения представлений о числе и счете, выраженных в языке, для реконструкции русской языковой картины мира, сосредоточенностью на определении «нечисловой» семантики числительных, функционирующих в качестве составной части фразеологизмов.

Изучение нумеративных ФЕ осуществлялось на материале разных

языков. Так, Шао Наньси провел исследование числительных от 1 до 10, а также 40, 100, функционирующих во ФЕ русского и китайского языков. Он показал, что числительные в составе значительного пласта устойчивых выражений в русском языке выступают, в основном, в качестве их обязательного структурно-содержательного компонента. В нумеративных устойчивых выражениях числительное, как правило, является смысло- и фразеобразующим компонентом, обладающим символическим значением [Шао Наньси 2009].

А.Л. Осипова [Осипова 2008] сопоставляет семантику количественных лексем русского, английского и французского языков. Во всех языках количественные компоненты ФЕ имеют сложную семантическую структуру, которая включает собственно количественные и вторичные, символические значения. Символический смысл отдельного числа не сводится к какому-то одному значению, а, скорее, представляет собой некую многослойную, многоплановую и многогранную семантическую структуру, содержание которой в каждом конкретном случае можно представить как более или менее однозначное. Возникновение символических значений в большинстве случаев объясняется существовавшими ранее мифопоэтическими системами, оказавшими влияние на современные языки [Осипова 2008].

На материале русского и монгольского языков сопоставляются ФЕ в диссертации Шондуга Баясгалана. Автор приходит к выводу, что наиболее употребительными в исследуемых языках были ФЕ с числительными, обозначающими простые числа. Именно эти числа (первого десятка) представлены в различных концептуальных истолкованиях в культурологии.

А. Ю. Моклакова сопоставляет фразеологические единицы и русские устойчивые словосочетания с компонентом-числительным. Автор приходит к

выводу, что в результате полной десемантизации в составе ФЕ числительные утрачивают свою количественную семантику и приобретают качественную.

Из работ, посвященных семантике числительных в различных языках, следует назвать диссертационные исследования Т. Б. Пасечника «Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским» [Пасечник 2009], Н. П. Черневой «Семантика и символика числа в национальной картине мира: на материале русской и болгарской идиоматики» [Чернева 2003], В. В. Шевченко «Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах» [Шевченко 2001].

В диссертационном исследовании Е. В. Шабалиной [2011] на материале русского языка выявлены семантико-мотивационные модели и описаны принципы организации семантико-мотивационного макрополя числительных, а также прослежены закономерности сочетаемости числовых компонентов с лексемами различных тематических сфер в составе сложных слов или фразеологизмов.

Цель нашего исследования — выявить семантические особенности числительных в составе фразеологизмов русского языка в аспекте отражаемых в них культурно-типологических понятий числа.

Для достижения поставленной цели требовалось решить ряд **задач**: 1) сформировать научно-теоретическую базу исследования; 2) определить круг фразеологических единиц русского языка, включающих числительные *один/первый, два/второй/оба, семь, сто*; 3) проанализировать входящие в состав ФЕ компоненты-числительные в семантико-семиотическом аспекте: определить их функции и выяснить культурно-символическую сущность; 4) выборочно сопоставить полученные на материале русского языка результаты с

данными других языков (китайским, вьетнамским) и выявить универсальные и культурно специфические смыслы.

Объект изучения в настоящей работе — фразеологические единицы русского языка, в состав которых входят числовые компоненты, имеющие вторичные (по отношению к семантике конкретного количества) значения.

Предметом нашего исследования являются семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-числительным и функции этих лексем в составе фразеологизмов.

Материалом исследования послужила картотека русских идиом с лексемами *один/первый, два/второй/оба, семь*, и производные с корнем *се-*, такими как *семеро/седьмой* (так как именно корнем передаётся идея числа), а также лексемами *сто и сотня*, составленная методом сплошной выборки из фразеологических словарей (см. список словарей). Анализуются свыше 600 фразеологических единиц. Ограничение материала исследования ФЕ лишь этими числительными объясняется их особой символичностью не только в русской, но и во многих других культурах, о чем свидетельствуют словари символов и знаков (подробнее см. раздел 1.1.). В связи с этим интересным и важным представляется вопрос о том, какие символические смыслы чисел являются универсальными, а какие – этнокультурно специфическими. Для решения этой задачи привлекались материалы китайского и, в меньшей степени, вьетнамского языков.

Специфика фразеологического материала и характер цели определили выбор **методов** исследования в работе. Основным является описательный метод, с помощью которого рассматривался семантический аспект анализируемого материала. При изучении компонентного состава и механизма формирования целостного фразеологического значения использовались методы

компонентного и контекстологического анализа. Кроме того, использованы приемы наблюдения, сопоставления, количественного подсчета и прием лингвокультурологического комментария.

Диссертация состоит из Введения, двух глав, включающих несколько параграфов, и Заключения, содержит список литературы, состоящий из 74 источников, и список словарей.

Глава I. Теоретические основы исследования

1.1. Проблема взаимоотношения языка и культуры

Вопрос о соотношении языка и культуры одновременно и сложен, и чрезвычайно актуален. Его сложность обуславливается многогранностью наблюдаемых явлений: своими разными сторонами язык и культура перекрещиваются друг с другом и втекают друг в друга. Особая актуальность проблемы взаимосвязи языка и культуры обуславливается бурными процессами глобализации, чреватými угрозой нивелирования культур.

Для достижения ясности следует определить значения слов «язык» и «культура». Культура означает совокупность результатов деятельности некоторого общества – народа, нации, государства; совокупность широко понятых сфер интеллектуальной деятельности общества, включая науку, искусство, религию, а также обусловленные интеллектуальной деятельностью морально-поведенческие установки. Язык в таком отношении означает присущее народу через его индивидов словесное средство формирования мыслей и передачи мыслей в процессе общения; а также средство накопления и сохранения культуры народа.

Поскольку культура составляет для каждого этапа жизни общества срез его интеллектуальной деятельности, а язык служит не чем иным, как средством этой деятельности, в то же время являясь и ее исторически создаваемым продуктом, его соотношение с культурой диалектически противоречиво. Противоречие состоит в том, что язык одновременно является и органической частью культуры, и инструментом создания этой «культуры». Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но также и аккумуляции знаний культуры. Он составляет значительную часть культуры народа и, наряду с нравами и обычаями, является культурным наследием той

или иной нации. «Будучи одним из признаков нации, ее "социального взаимодействия", язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры» [Воробьев 1997: 12]. В соответствии с этим язык выступает в качестве реализованной сущности культуры, существование языка диалектически связано с развитием общества и культуры. При этом язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности в будущее [Михайлова 1998: 106].

Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, как единственный во многих случаях источник истории народа и его мировоззрения давно воспринимался таковым и использовался культурологами, мифологами в их разысканиях. Активное и конструктивное свойство языка и его способность воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества обнаруживали и вскрывали еще в XVIII в. и в начале XIX в. Проблема взаимосвязи языка и мышления имеет в лингвистике давнюю историю. В начале XIX в. она успешно разрабатывалась братьями Гримм, создателями всемирно известной мифологической школы, нашедшей свое продолжение в России в 60-70-х XIX в. годах в трудах Ф. И. Буслаева, А. И. Афанасьева, А. А. Потебни.

Важное место в разработке данной проблемы занимают работы В. Гумбольдта, который видел в языке воплощение и проявление духа народа, его миропонимания и менталитета.

Исследуя разные языки, Гумбольдт в своем главном лингвистическом труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1836), сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа, разрешил многие кардинальные проблемы

языкознания, и его взгляды на эти вопросы до сих пор остаются актуальными. Широкую известность получили его утверждения о том, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» и что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985].

Новизна подобного подхода состояла в том, что за различными языковыми формами ученый видел различия в способах мышления и восприятия действительности и сделал вывод о том, что в языке воплощается своеобразие культуры. Язык, по Гумбольдту, есть «народный дух», он «само бытие народа» и реальность культуры, ибо только через язык человек может познать культуру. Внутренняя форма мыслится Гумбольдтом не как нечто статичное и фиксированное, она образует внутренние пути развития языка, отражая только свойственное ему мировидение. Деятельность языка, по мысли Гумбольдта, всегда протекает в индивидуальной, внутренней форме, обусловленной национальным характером данного языка. Язык мыслится Гумбольдтом как орган, творчески осмысливающий окружающую действительность в соответствии со свойственной ему внутренней формой, порожденной национальными (народными) характеристиками.

Гумбольдт первым из исследователей связал содержательную сторону языка с духовной жизнью, культурой народа. Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер этноса, его психический склад, образ мыслей, искусство, науку, философию, т. е. весь комплекс интеллектуальных ценностей, что определяет «дух народа», его мировоззрение, которое отражается в языке. Апеллируя к духовному началу языка, Гумбольдт

одновременно рассматривает его как продукт динамичный, созидающий, активность которого проявляется в воздействии языка как социального явления на индивидум, и чем сознательнее индивидум пользуется языком в соответствии со своими внутренними и внешними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление. Мышление подключает сознание, с которым непосредственно связано самосознание человека, самосознание, в свою очередь, включает язык в сознание общности его этнического происхождения, реальную основу которого составляет единство исторических судеб, его членов и их предков на всем протяжении их существования. Самосознание — одно из свойств этнической культуры, включающее в себя такие компоненты, как труд и деятельность человека, выраженные в действиях, поступках и отражающиеся в материальной культуре и изобразительном искусстве, в устном народном творчестве, в обычаях и обрядах, нравах и т. д.

Как пишет Гумбольдт, внешние формы языков лежат на поверхности, поскольку звуковые отличия между языками бросаются в глаза. Сложнее дело обстоит с их внутренними формами, поскольку семантические отличия между языками не лежат на поверхности, но спрятаны в их глубине. Термины «внутренняя форма языка» и «языковая картина мира» следует расценивать как синонимические, поскольку Гумбольдт интерпретировал внутреннюю форму языка как мировидение, заключенное в языке. Он писал, что всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражения всех представлений, которые нация составляет себе о мире. Об этом он высказывает следующую мысль о том, что люди понимают друг друга потому что в каждом высказывании затронуты одни и те же «цепи чувственных представлений» и начатков внутренних понятий..., благодаря чему у каждого

вспыхивают соответствующие, но не тождественные смыслы» [Гумбольдт 1984].

На понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова основывалась в 30–40-е гг. нашего века известная гипотеза лингвистической относительности Сэпира–Уорфа.

Согласно этой гипотезе, язык есть не просто средство выражения и оформления мыслей — он определяет ход наших мыслительных процессов и их результаты. Мы расчленяем, структурируем и классифицируем наблюдаемые явления так, как того требует лексика и грамматика нашего языка. А поскольку от используемого людьми языка зависят процессы и результаты их мышления, постольку в культурах, различающихся по языку, формируются и разные представления о мире. Китаец не только говорит, но и мыслит иначе, чем англичанин, а поэтому и мир представляется ему не таким, каким видит его англичанин; русский язык регулирует и программирует мыслительные процессы одним образом, а арабский язык — по-другому, а поэтому картина мира в русской культуре — одна, а в арабской — совсем другая.

Уорф и другие исследователи приводят множество разнообразных фактов, свидетельствующих в пользу этой гипотезы.

В языке индейского племени хопи все летающие предметы и существа, за исключением птиц, обозначаются одним словом, а птицы — другим. Значит, для хопи само собой разумеется, что кружащийся в воздухе лист, насекомое, самолет и летчик имеют между собой *нечто* общее, объединяющее их в один класс, но птицы этого «нечто» не имеют (а у птиц есть какой-то признак, который отличает их от всех других летающих объектов).

Различия между языками наиболее заметно проявляются в том, что в каждом из них есть так называемая безэквивалентная лексика, т. е. слова,

которые не переводятся на другие языки однословно. Доля безэквивалентной лексики в разных языках различна. По сведениям Верещагина и Костомарова [Верещагин, Костомаров 2005], в русском она составляет 6—7%. К ней относятся, например, такие слова, как «гармонь», «народоволец», «воскресник», «сглазить». В западноевропейских языках русскому слову «рука» соответствуют два слова: «кисть руки» и «часть руки от кисти до плеча». Поэтому немец или англичанин не могут сказать: «я поранил руку». Ему обязательно надо указать, какую часть руки он поранил. А вот когда речь идет о глазах, то тут на русском языке нельзя сказать «мне попала пылинка в глаза»: слово «глаза» во множественном числе обозначает оба глаза, а пылинка попасть в два глаза сразу не может. Ирландцы же говорят именно так — во множественном числе. Потому что для них оба глаза — это один предмет, который обозначается единственным числом (как «орган зрения»). Чтобы назвать один глаз, они говорят: «половина органа зрения». На вопрос: «Сколько цветов в радуге?» любой русский человек ответит, не задумываясь: «Семь», и, вспомнив известное: «каждый охотник желает знать, где сидят фазаны», быстро перечислит основные цвета спектра. Но немцы думают иначе. На этот вопрос немец ответит: «Шесть». Синий и голубой по-немецки обозначаются одним и тем же словом. Немцы, конечно, ощущают разницу между этими цветами, но не считают их настолько различными, чтобы упоминать среди цветов радуги каждый в отдельности. Выходит, что состав основных цветов спектра зависит от того, на каком языке мы о них говорим.

Отсутствие в языке слов, соответствующих безэквивалентной лексике другого языка, называют лакунами. Как безэквивалентные слова, так и лакуны становятся заметными только при сопоставлении языков. Лакуны обусловлены

различием между культурами. В одних случаях они вызваны отсутствием в одной культуре тех реалий, которые имеются в другой.

Язык, несомненно, оказывает влияние на процессы и результаты мышления, но это влияние не столь велико, как утверждает гипотезой Сепира — Уорфа. Исследователи высказывают определенные сомнения в столь прямолинейно утверждаемой связи между языком и мышлением (см, например, Г. М. Брутян, М. А. Кронгауз, М. В. Лебедев и др.). Люди способны ориентироваться и существовать в объективном мире лишь постольку, поскольку жизненный опыт постоянно заставляет нас исправлять ошибки нашего восприятия и мышления, когда они вступают в противоречие с ним. Мы способны развивать научные знания о мире лишь постольку, поскольку их истинность проверяется практикой, а не тем, соответствуют ли они нормам языка. Культура живет и развивается в «языковой оболочке», но не «оболочка» обуславливает содержание культуры, а, наоборот, содержание культуры диктует характер и состояние этой «оболочки». Язык обслуживает культуру, а не определяет ее. Нормы языка, его лексика и грамматика изменяются, когда этого требует развитие общественной жизни, науки, искусства. Приведенные выше примеры на самом деле далеко не столь уж однозначно свидетельствуют о влиянии языка на мышление, как могло бы показаться. Их можно истолковать и наоборот: отмеченные в этих примерах особенности разных языков возникли в ходе исторического развития той или иной культуры и обусловлены характерными для нее представлениями о мире. То есть, в конечном счете, не язык определил мышление, а мышление определило свойства, лексику и грамматику языка. Мы, овладевая сложившимся до нашего рождения языком и пользуясь им, разумеется, попадаем в зависимость от него и мыслим в системе его норм и правил. Но сам язык развивается в зависимости от культуры.

Второй спорный момент в теории Сепира — Уорфа сводится к следующему. Языки, конечно, отличаются друг от друга, но не настолько сильно, как предполагают ученые. Даже если языки по-разному структурируют действительность, то это еще не значит, что на них создаются принципиально различные, несопоставимые и непере译имые описания действительности. Это означает лишь то, что на одном языке легче выразить одни свойства и отношения вещей, а на другом — другие.

Итак, Уорф и Сепир правы в том, что язык способен воздействовать на наше мышление и восприятие действительности. Но они неправы, когда полагают, что это воздействие носит определяющий характер и происходит всегда. Гипотеза лингвистической относительности требует уточнения [см., например, Маслова 2001]. Если ее, вслед за Уорфом, формулировать как утверждение, что мышление и создаваемая в той или иной культуре картина мира *всецело зависят* от языка, то в такой доведенной до крайности форме она, по-видимому, неверна. Но если ограничить ее тезисом о том, что язык *оказывает влияние* на наше мышление и наши представления о мире, то в этом виде она представляется оправданной. Такая «ослабленная» ее формулировка, однако, нацеливает науку на дальнейшее исследование того, когда и в чем проявляется влияние языка на мыслительные процессы и развитие культуры и от каких условий зависит степень этого влияния.

Переход лингвистики на антропологическую парадигму, совершившийся в последние десятилетия XX века, стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит «человек - язык – культура». Понимание того, что связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа, пришло только после появления когнитивной лингвистики. Особенности

истории и культуры народа прежде всего проходят осмысление, входят в мир мысли народа, а затем уже, получая языковое выражение, включаются в семантическое пространство языка народа и в нем иногда переживают свое время.

Развитие контрастивных исследований, активизация интереса к проблемам «язык и культура», «язык и мышление», расширение когнитивных, этнолингвистических наблюдений в современной науке о языке, развитие экспериментальных и психолингвистических исследований в сфере соотношения национальных языков и национального сознания – все это привело к заметному повышению внимания исследователей к проблеме языка и культуры.

Для языка и культуры характерны общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека. Практика пользования языком предоставляла немало возможностей увидеть и иные грани в сущностной характеристике языка, связанные с магией, исполнением ритуальных обрядов, религиозной обрядностью, где главенствующая роль отводится языку.

Современные исследования (Апресян 1995; Арутюнова 1991; 1995; 1995а; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1996; Воробьев 1996; 1997; Гловинская 1990; 1992; 1993; Гумбольдт 1985; Карасик 1996; Колесов 1995; Купина 1995; 1995а; 1996; Шаховский 1996 и др.) свидетельствуют, что различия в менталитете и культуре разных народов достаточно четко прослеживаются в языке. Особенности познавательного опыта конкретного этноса, черты его материальной и духовной культуры эксплицитно воплощаются в единицах лексико-фразеологического уровня.

1.2. Актуальные проблемы фразеологии в современной русистике

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русистике связано с именем В.В. Виноградова [1972], в работах которого были поставлены вопросы об основных понятиях, объеме и задачах науки. Предметом фразеологии является исследование категориальных свойств сочетаний слов, обладающих признаком фразеологичности. На основе этих свойств выделяются критерии фразеологичности и решается вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка.

До недавнего времени (50–60 гг.) высказывалась мысль, что фразеология как наука находится на стадии эмбрионального, «скрытого развития», в состоянии младенчества, в «колыбели».

Фразеология представляет интерес для исследователей в силу ее яркой образности, эмоциональности, оценочности, национальной специфики. Заметную роль фразеология играет в процессах коммуникации, являясь средством повышения экспрессивности текста, выражения авторской индивидуальности. Фразеологические единицы широко варьируют в языке и тексте, что также делает их изучение важным и актуальным.

Фразеологический состав языка представляет собой чрезвычайно сложное в структурном и семантическом отношении явление, и соответствующее языковой природе фразеологических единиц описание можно создать, лишь исследуя всесторонне их свойства, связи и функции. Фразеологическое значение, семантическая организованность фразеологического состава, его количественное и качественное развитие являлись и остаются предметом исследования в работах В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, В.Н. Телии, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др.

Несмотря на большое число научных работ, посвященных проблемам фразеологии, в русистике нет однозначного понимания сущности фразеологизма.

Согласно определению Д.Э. Розенталя, «фразеологизм – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [Розенталь 1985: 377].

Под фразеологизмом В.П. Жуков понимает «свободно воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний и обладающий целостным значением» [Жуков 1980: III].

В энциклопедии «Русский язык» дано следующее определение: «Фразеологизм – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [Фразеологизм 1997: 605].

В.Н. Телия называет фразеологизмами устойчиво воспроизводимые сверхсловные наименования [Телия 1996].

Общие признаки фразеологизмов, которые названы во всех определениях, – раздельнооформленность, устойчивость компонентного состава, воспроизводимость в речи, признак полной или частичной идиоматичности.

И.А. Мельчук под устойчивостью понимает предсказуемость появления элементов сочетания в определенном порядке относительно одного из них [Мельчук 1995]. Например, устойчивость словосочетания *бить баклуши* относительно элемента *баклуши* равна 100 %, а относительность элемента *бить* - нулю. Названные признаки характеризуют форму фразеологизма, но фразеологизм начинается там, где заканчивается смысловая самостоятельность

его составных частей. Следовательно, есть признаки, характеризующие внутреннее содержание фразеологизма. Это целостность значения, в связи с чем фразеологизмы принадлежат к номинативному инвентарю языка, под которым понимается вся совокупность единиц, обладающих номинативной функцией, то есть фразеологизмы служат для названия предметов, действий. Фразеологизмам также свойственна идиоматичность значения, формирующаяся в процессе переосмыслений значений слов-компонентов. Именно признак идиоматичности является существенным при узком и широком понимании фразеологизмов, что связано с проблемой объема и границ фразеологии.

Д.Н. Шмелев, обсуждая положение дел во фразеологии, сложившееся к середине 70-х годов, писал: «Наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разницей в терминологии, а то, что «фразеология» понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке и в своих точных границах. В связи с этим отдельные исследователи признают «неправильным» включение во фразеологию тех или иных разрядов словосочетаний лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другим представлением, в соответствии с которым такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами» [Шмелёв 1973: 297-298]. Фразеология исследует несвободные сочетания слов с «многоярусной» и размытой системой отличительных свойств, а потому и ее границы условны и подвижны.

Новый подход к фразеологии связан с именем В.В. Виноградова и, прежде всего, с выделенной им категорией связанного лексического значения. Введение категории связанности значения в концепции В.В. Виноградова до сих пор еще не оценено в должной мере ни у нас, ни тем более в зарубежной лингвистике. Это тот случай, когда один из компонентов сочетаний сохраняет

свое «свободное» значение, т.е. значение, реализация которого не зависит от лексического контекста, а другой получает значение «несвободное», реализация которого всегда «связана» с определенным словом (или рядом слов), сохраняющим свое свободное значение, как в случаях типа *зло, отчаяние, смех, ужас, страх берет*, но не говорят *уныние, испуг, радость берет*, хотя слова *отчаяние и уныние, страх и испуг, смех и радость* близки по значению. Особенность этих фразеологических сочетаний (по терминологии В.В. Виноградова) состоит в том, что реализуемые в них связанные лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. [Виноградов 1972].

Ш. Балли пишет о связанности семантически реализуемого значения, но скорее метафорически: «Когда абстрактное существительное, прилагательное или глагол, сохраняя свою независимость, кажутся связанными в силу обычая с другим словом, обозначающим качество, роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, прилагательного или глагола, не добавляя никакого нового оттенка, не ограничивая и не уточняя исходное понятие» [Балли 1961. Цит. по: Телия 1996: 14].

В.В. Виноградов не только ввел в научный обиход понятие фразеологически связанного значения как особого типа лексического значения, но и определил его статус как для моносемного слова, так и в структуре многозначного слова. В работе «Основные типы лексических значений» он писал: «...многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в

своих связях. Эти значения могут появляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей» [1972: 176].

Особую важность представляет мысль В.В. Виноградова о том, что «фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно–логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функции составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» [1972: 176-177]. Эта типологическая существенная особенность связанного значения была показана автором на ряде примеров: глагол *отрасти* обычно применяется к узкому кругу объектов – к волосам, усам, бороде, ногтям, поэтому в его толкование должны быть введены сведения об ограничении на выбор именно этих объектов, тогда и «величина» роста будет корректироваться знанием о размерах этих объектов (в настоящее время в таких случаях принято говорить о когнитивном прочтении значения, т.е. об отражении в значении знания о свойствах объекта); прилагательное *чреватый*, вышедшее из его «первичного» значения, которое включалось в синонимический ряд *брюхатый, беременный, пузатый*, развивает «рассеянное», или диффузное, значение `способный вызвать, породить какие-либо последствия, события` «реализуемое в сочетании с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего

последствиями)». Из этого следует, что диффузность непосредственно сопряжена с семантикой этих отвлеченных существительных; у глагола *впасть*, прямое номинативное значение которого устарело и вышло из употребления, выделены два связанных значения – ‘стать впалым (о щеках, глазах, рте, губах, висках, груди, боках)’ и конструктивно обусловленное – полувспомогательное : ‘начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное) или проявить признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)’: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в ересь, в противоречие, в пошлый тон* и т.п., из чего так же, как и из предшествующего примера, видно, что как первое, так и второе из значений глагола *впасть* зависит от значений этих конкретных существительных либо от существительных, обозначающих чувства или ментальные состояния.

Среди спорных вопросов фразеологии лингвистический статус компонента ФЕ вызывает наибольшие разногласия. Одни ученые считают, что фразеологический компонент является семантически опустошенным строевым элементом (В.П. Жуков, А.И. Молотков); другие рассматривают компонент ФЕ как специфически употребленное слово (Ю.А. Гвоздарев, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко). Значение одного и того же компонента отличается в составе разных ФЕ. Это говорит о некой автономности фразеологического компонента, что дает нам основания утверждать, что компоненты не теряют окончательно свои словесные свойства в составе фразеологических единиц. Компоненты ФЕ играют исключительно важную роль в формировании семантической структуры последних. Сопоставив значение лексемы с фразеологическим значением, можно выявить десемантизацию слова, употребляющегося в качестве компонента ФЕ, его роль в формировании фразеологического значения.

В некоторых ФЕ числительное выступает как интенсификатор, в других приобретает символические значения.

Мы, вслед за В.П. Жуковым, считаем, что в структуре одних фразеологизмов компоненты перестают быть словами (приобретая статус символа), а в структуре других не теряют своих словесных качеств [Жуков: 1978]. При изучении языкового материала мы придерживались принципов классификации, согласно которой количественным лексемам в составе фразеологических единиц свойственна:

❖ Семантизация – количественный компонент ФЕ сохраняет определенно-количественное значение, например: *гостям дважды радуются: встречая и провожая; дорожке алмаза свои два глаза; трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы.*

❖ Частичная десемантизация – компонент ФЕ утрачивает определенно-количественное, но реализует неопределенно-количественное значение, например: *одним ударом двух зайцев убить.*

❖ Частичная десемантизация – компонент ФЕ утрачивает определенно-количественное, но реализует комбинаторное значение, например: *за тридцать земель* – устойчивое сочетание, построенное на архаичной счетной модели, служит для обозначения далекого, неизвестного места, находящегося на неопределенно-удаленном расстоянии. Таким образом, количественная лексика в данном случае реализует неопределенно-количественное значение «много» и значение высшей степени (очень далеко), а также символическое значение неопределенности, неизвестности.

❖ Полная десемантизация – компонент полностью утрачивает количественное значение и реализует лишь качественное значение: *Черта с два!* [Осипова 2008].

Концепция В.В. Виноградова обусловила узкое и широкое понимание объема фразеологии. Узкий объем фразеологии ограничивается фразеологизмами-идиомами, такими единицами языка, которые входят в его номинативный инвентарь (такой точки зрения придерживается, например, В.Н. Телия)

При широком понимании в состав фразеологизмов включаются все сочетания слов, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости. Иными словами, широкий объем фразеологии можно определить как все то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом. Мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и потому включаем в материал все воспроизводимые устойчивые сочетания. Именно такое понимание фразеологизма используется в нашей работе.

Фразеология – сложный и трудоемкий предмет исследования, поскольку продолжают дискуссии о самом понятии фразеологической единицы, о специфике фразеологического значения, расходятся мнения и по вопросу типологии фразеологических единиц.

Существует несколько классификаций фразеологизмов по разным основаниям. Как уже было сказано, классическая классификация фразеологизмов по семантике принадлежит В.В. Виноградову (рассмотрим ее ниже). Вместе с тем существуют другие классификации – по иным основаниям.

Н.М. Шанским предложена лексико-грамматическая типология. Фразеологические единицы, будучи эквивалентными слову, соотносятся с различными частями речи, что служит основанием для выделения лексико-грамматических разрядов фразеологизмов. В зависимости от того, какой компонент фразеологизма грамматически господствует в обороте, а также от

его синтаксической функции в предложении, Н.М. Шанский различает следующие основные типы:

- Субстантивные (предметные) фразеологизмы, грамматически господствующим компонентом которых выступает имя существительное: *козёл отпущения, чучело гороховое, белая ворона* и т.п.;

- Адъективные фразеологизмы, в составе которых стержневым компонентом преимущественно выступает прилагательное в краткой форме: *гол как сокол, одного поля ягода, не от мира сего* и т.п.;

- Глагольные фразеологизмы, содержащие в качестве грамматически главенствующего компонента глагол: *строить глазки кому, давать стрекача, войти в колею* и т.п.;

- Наречные фразеологизмы: *сложна руки, очертя голову*. Часть наречных оборотов образована по модели адverbиальных словосочетаний, в составе которых наречие выступает в качестве грамматически господствующего слова (*наобум лазаря*); в составе других оборотов грамматически господствующий компонент не поддается выделению (*ни в зуб ногой*).

- Междометные фразеологизмы: *хоть караул кричи!, как бы не так!, увы и ах!* и т.п.;

- Модальные фразеологизмы: *как никак, как бы не так, на худой конец* и т.п.

- Фразеологизмы, выступающие в функции служебных слов: *в соответствии с, подобно тому как, так что, тем не менее* и т.п.; [Шанский 1985].

А.И. Молотков выделяет особый лексико-грамматический тип, к которому относятся глагольно-пропозициональные фразеологизмы: *язык*

заплетается у кого, руки чешутся у кого, живого места нет на ком и т.п. [Молотков 1977].

Следующая классификация также основана на формальном признаке, в ней учитываются возможности расширения структуры фразеологизмов.

Существуют фразеологизмы, представляющие собой лексически незамкнутые структуры:

- *куры не клюют (чего-либо), веревка плачет (по кому-то)*, в которых есть свободная позиция, замещаемая в тексте. Им противопоставлены лексически замкнутые «устойчивые фразы» – готовые блоки в составе высказывания или текста. Вне высказывания они обозначают и называют целостный объект, например: *наша взяла!* [Архангельский 1964].

В таких фразах имеется ограниченный набор слов, способных заполнить синтаксическую валентность. Подобные единицы называются словами – проводителями [Архангельский 1964].

Основанием для отнесения фразеологизмов к тому или иному типу служит прежде всего их семантика, а не наличие или отсутствие в их составе компонентов, соотносимых с той или иной частью речи.

В науке были также предложены стилистические типологии фразеологизмов. Классификация фразеологических оборотов с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств принципиально ничем не отличается от аналогичной классификации с этой же точки зрения отдельных слов. Поэтому следует говорить «о тех их оценочно-эмоционально-экспрессивных особенностях, которые приобретаются ими вследствие их предпочтительного и даже исключительного употребления в тех, а не других сферах и областях человеческого общения» [Ахманова 1957: 242]. Употребление многих фразеологических оборотов в той или иной степени ограничено рамками

определенного стиля языка. Так, фразеологизмы *ни к селу ни к городу*, *казанская сирота* принадлежат разговорно-бытовой речи. Фразеологизмы *вопросительный знак*, *вешние воды* принадлежат уже книжной речи, входя в терминологическую и поэтическую фразеологию.

С другой стороны, многие фразеологические обороты не только называют то или иное явление объективной действительности, но и указывают на определенное отношение говорящего к этому явлению: *хранить в памяти*, *кануть в вечность*.

Классифицируя таким образом фразеологические обороты, следует учитывать, конечно, что стилистическая дифференциация устойчивых сочетаний слов, равно как и принадлежность конкретного фразеологизма к той или иной группе, представляют собой явление историческое: в процессе развития нашей речи все больше фразеологизмов становятся межстилевыми, интенсивно возникают новые группы и модели, среди разговорно-бытовых и книжных фразеологизмов постоянно происходит экспрессивно-стилистическая переоценка отдельных фразеологизмов и т. д. [Шанский 1985: 143-145].

В.В. Виноградов дал первую функционально-семантическую классификацию фразеологизмов и ограничил объем фразеологии 3 классами:

1) Фразеологические сращения - идиомы. Фразеологические обороты с абсолютной семантической спаянностью частей, целостное значение которых не выводится из значений составляющих их слов (нередко устарелых, сохраняющих архаическую грамматическую форму и не оправданную современными правилами синтаксическую связь).

Бить баклуши, *диву даваться*, *кесарево сечение*, *остаться с носом*, *положа руку на сердце*, *точить балясы*.

2) Фразеологические единства. Фразеологические обороты, целостное значение которых (обычно образное) в той или иной степени мотивировано отдельными значениями составляющих их слов.

Вылететь в трубу, держать камень за пазухой, довести до белого каления, закинуть удочку, первый блин комом, семь пятниц на неделе, пускать пыль в глаза.

3) Фразеологические сочетания. Фразеологические обороты, в состав которых входят слова со свободным и фразеологически связанным значением, причем целостное значение вытекает из значения отдельных слов.

Восклицательный знак, закадычный друг, крошечный ад, скалить зубы, щекотливый вопрос, сгорать от стыда, одержать победу.

Фразеологические сращения и фразеологические единства обладают признаком полной идиоматичности, тогда как фразеологические сочетания лишь частичной.

В речи фразеологизм-идиома всем своим составом соединяется со словами свободного употребления. Эта особенность чужда фразеологическим сочетаниям.

Как уже говорилось, фразеологические сочетания получили статус фразеологизмов на основании связанного значения, описанного В.В. Виноградовым.

Н. М. Шанский, помимо фразеологических сращений, единств и сочетаний, выделяет новый разряд фразеологических единиц – фразеологические выражения. К этому разряду относятся такие воспроизводимые обороты речи, которые целиком состоят из слов со свободными значениями [Шанский 1969, 84], например: *Волков не бояться – в лес не ходить; Не все золото, что блестит; Любви все возрасты покорны; До*

поры до времени и т.д. Как видно из примеров, одна часть фразеологических выражений в коммуникативном отношении эквивалентна предложению, а другая часть оборотов относится к словосочетаниям, к единицам номинативного характера.

Б.А. Ларин предпринял попытку систематизировать фразеологический материал с позиций исторической фразеологии [Ларин 1956: 222]. Он выделил три типа словосочетаний: переменные, метафорические словосочетания и идиомы.

Переменные словосочетания – самый распространенный тип языковых единиц. К этому разряду причисляются и фразеологические сочетания. К второй категории Б.А. Ларин относит метафорические словосочетания, образованные в результате переосмысления словосочетания такого же лексического состава. Например: *гнуть спину, выносить сор из избы, тертый калач*. Метафорические словосочетания, как полагает Б.А. Ларин, соответствует разряду фразеологических единств в системе академика В.В. Виноградова.

Третий разряд составляют идиомы, в которых затемняется и вовсе пропадает семантическая двуплановость. Этот разряд приравнивается к фразеологическим сращениям в системе акад. В.В. Виноградова и неразложимым речениям в трактовке Ш. Балли [Балли 1961: 97].

Из сказанного ранее явствует, что фразеологические единства и сращения, выделенные академиком В.В. Виноградовым, сохраняются в классификационной схеме Б.А. Ларина и Н.М. Шанского. Эти же исследователи причисляют к фразеологическим единицам наряду с фразеологизмами, образованными по модели словосочетания, и обороты коммуникативного характера.

Вместе с тем наметились и существенные расхождения в оценке составных «сверхсловных» образований разной степени сложности: Б.А. Ларин исключает из сферы фразеологии фразеологические сочетания, Н.М. Шанский, напротив, выделяет новый, четвертый разряд фразеологических единиц – фразеологические выражения. Так постепенно на почве систематизации сложилось два противоположных взгляда на объем и границы фразеологии – так называемое узкое и широкое понимание этого раздела языкознания.

Фразеологизмы русского языка могут быть систематизированы посредством приема фразеологической аппликации [Жуков 2006], под которым понимается наложение фразеологического оборота на эквивалентное свободное словосочетание. При такого рода наложении общее (целостное) значение фразеологизма сравнивается, соотносится с лексическим значением слов, входящих в свободное словосочетание такого же лексического состава. В русском языке насчитывается до 1500 фразеологизмов, совпадающих по своей звуковой оболочке со свободными словосочетаниями: *бить в цель; брать на буксир; семеро одну соломинку поднимают; семеро в семье и все большие.*

Все фразеологизмы русского языка с позиции аппликации можно разделить на два больших типа:

1. Фразеологизмы, которые в синхронном плане могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава – апплицируемые, налагаемые фразеологизмы.

2. Фразеологизмы, которые с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на свободные словосочетания из-за невозможности его образовать – неапплицируемые, неналагаемые фразеологизмы.

Посредством метода фразеологической аппликации можно выделить следующие пять основных типов фразеологических единиц:

1. Исторически апплицируемые ФЕ, наделенные целостным немотивированным значением: *Семь пядей во лбу; Одним махом семерых убивахом.*

2. Апплицируемые обороты, обладающие целостным немотивированным значением в современном языке: *родиться в рубашке; подложить свинью.*

3. Апплицируемые ФЕ с целостным мотивированным значением: *семеро плотников прямо столб не поставят; семеро с пером – один с топором; Суп из семи круп.* Эти обороты составляют основное ядро.

4. Неапплицируемые фразеологизмы, мотивированные, с частично целостным значением, где один из компонентов семантически соотносится с однозвучным словом свободного употребления: *под веселую руку.*

5. Неапплицируемые ФЕ, мотивированные, с частично целостным значением, все компоненты являются смыслообразующими и соотносятся со словами в их свободном употреблении: *поднимать голос.*

В.Н. Телия [1996], обобщая все возможные воспроизводимые сочетания, описывает 6 классов, в которые группируются фразеологические единицы. Классы фразеологии представляют собой «размытые множества».

I. «Фразеология-1».

Учение о полностью идиоматичных сочетаниях слов – лексическая идиоматика. Сочетания с полностью переосмысленным значением – это фразеологизмы-идиомы.

Идиоматика – бесспорное «ядро» фразеологии, можно даже сказать «собственно» фразеология. Большинство идиом — знаки экспрессивно окрашенные, и вследствие этого возникают идиомы-кентавры, где какая-то

часть переосмыслена, а какая-то выступает в своем прямом значении. *На скорую руку*. Руку идиоматично; *сойти с ума*. Сойти – переосмыслено, его основное значение – *сойти с крыльца*.

II. «Фразеология-2».

Учение о таких воспроизводимых сочетаниях слов, которые называются фразеологическими сочетаниями (В.В. Виноградов). Такие сочетания называются лексическими коллокациями, рестрективными сочетаниями.

Причина воспроизводимости: хотя бы один из компонентов таких сочетаний выступает в своем «свободном» значении (первичном или вторичном) и выполняет роль семантически ключевого.

Бурный восторг – общий и интенсивный восторг;

телячий восторг – интенсивный и проявляющийся в подпрыгивании;

приходить в восторг – начинать испытывать восторг.

Для фразеологии-2 проблему представляет собой решение вопроса о том, являются ли фразеологизмами такие сочетания, как *Совет министров* (где на самом деле не реализуется «обычное» значение слова *совет*, а оно выступает как обозначение организации, в которой сотрудничают министры), ср. также *Верховный совет*, члены которого принимают решения, в итоге обсуждения какого-либо закона; *министерство обороны* (которое занято не только обороной). Думается, что эти номенклатурные названия подчинены не законам неестественного языка, а языка официально-делового – терминологической его сферы, а поэтому и должны изучаться как специальные термины, то есть скорее в прикладной лингвистике, нежели в «общем» языкознании.

III. «Фразеология-3».

Предметом фразеологии-3 является исчисление форм и значений формул речи. В так называемых «речевых заготовках», или клише, есть свободное

место для актуализации денотативного пространства (формулы приветствия, вежливости, предложение услуг, совета).

В клише могут входить и семантически переосмысленные компоненты.

Я не могу не попросить у вас извинения (просить извинения).

IV. «Фразеология-4».

Заштампованность речи, в которой отражаются типичные для какого-либо литературно-публицистического направления, стиля автора способы отбора языковых средств – это и есть фразеология-4. Фразеология декабристов, фразеология романтизма, публицистическая фразеология, фразеология Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Вчера на пресс-конференции блока Фракции «Российское единство» «непримиримые» вновь потребовали отставки правительства. Готовятся митинги протеста, свой конгресс намерен провести так называемый Фронт национального спасения, на улицах «доброхоты» малюют прокоммунистические лозунги. Похоже, чтобы задушить реформы, для оппозиции все средства хороши! (Куранты, 1992)

В этом тексте имеются фразеологические сочетания (*потребность отставки, провести конгресс, задушить реформы*), идиомы.

Фразеология–4 это, скорее, область семантики и прагматики лингвистики текста, а не фразеологии как учения о номинативном инвентаре языка, сформированном на базе полностью или частично идиоматичных сочетаний слов.

V. «Фразеология-5».

Предметом фразеологии-5 являются пословицы и поговорки. Сомнителен их языковой статус. По своему жанру они относятся к произведениям народного творчества, запечатлевшего мудрость народа, его ценностную

картину мира. Пословицы и поговорки – это часто парадоксальные сентенции, выражающие ценностные суждения, прескрипции, как образного, так и безобразного характера. Поговорки отличаются от пословиц (по общераспространенному мнению) тем, что содержат простое предложение.

Хороша ложка к обеду, дорого яичко к красному дню.

Фразеологичность этих единиц в их воспроизводимости, а их «двуплановость» – это идиоматичность относительно того «прямого» значения, которое выражено в буквальном смысле таких выражений.

VI. «Фразеология-6».

К ней относятся крылатые выражения. Выделяют этот класс с целью коллекционировать и описывать крылатые выражения, так как никакая другая дисциплина этим не занимается.

Множество классификаций ФЕ подтверждают сложность данного языкового феномена. При анализе материала мы учитывали несколько классификаций, в основе которых лежит семантическое основание: типологию В.В. Виноградова, и типологию, основанную на методе фразеологической аппликации, с тем чтобы определить, сохраняется ли значение у числительного как у номинативной единицы или числительное полностью десемантизируется.

Все фразеологические единицы обладают культурной ценностью, так как история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношения к ним – ценностное или эмоционально значимое.

Лингвокультурная специфика фразеологизмов – это еще одна актуальная проблема, которой посвящены многие современные исследования. В работах

В. Н. Телия отчётливо прочитывается мысль, что культурно-национальная специфика идиом усматривается в том, что их семантику можно интерпретировать в терминах культуры, которая признается национальной по сути (Телия 1996, 214-215). Национальную культуру во фразеологии можно усматривать также потому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиции ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа.

В исследовании Верещагина, Костомарова [2005] дано глубокое осмысление национальной специфики русской фразеологии.

Национально-культурная ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих. Во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматичными значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлой и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Ср.: *похвальная грамота, бить в набат, казанская сирота, сбрасывать со счетов и т. д.*

Во-вторых, русские фразеологизмы отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных. Например, слово *ферт* во фразеологизме *ходить фертом* «держат руки в боки, принимать самоуверенную, вызывающую позу» (фертом в старину называлась буква ф, напоминающая подбоченившегося человека). Ср.: *как аршин проглотил, коломенская верста, третий калач, развесистая клюква, лыка не вяжет, семи пядей во лбу, лезть на рожон, косая сажень в плечах, на ять и т. д.*

Наконец, в-третьих, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные

словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое.

Прототипы фразеологизмов могут, например, рассказать о традиционной русской грамотности: *начать с азов, не знать ни аза, от доски до доски, от корки до корки, с красной строки, приложить руку, поставить точку и т. д.* Прототипы фразеологизмов могут рассказать о денежной системе (*за длинным рублем, ни гроша/ ни копейки/ ни алтына за душой, гроша ломаного не стоит*), о ремеслах (*вить веревки, бить баклуши*), о традиционном врачевании (*заговаривать зубы, выжигать каленым железом, до свадьбы заживет*), об охоте и рыбной ловле (*забрасывать/ закидывать/ сматывать удочки/удочку, подцепить на удочку, вывести на чистую воду, ловить рыбу в мутной воде, как рыба в воде, замечать следы, гоняться за двумя зайцами*), о типичной русской флоре (*с бору да с сосенки, елки-палки, через пень-колоду, смотреть в лес, кто в лес кто по дрова, как в темном лесу, наломать дров*) и фауне (*дразнить гусей, как с гуся вода, куры не клюют, брать быка за рога, ни бе ни ме, как баран на новые ворота, жевать жвачку, как корове седло, волком выть, медвежий угол, медведь на ухо наступил, делить шкуру неубитого медведя, Лиса Патрикеевна, дрожать как заяц, глухая тетеря*). Можно выделить фразеологические группы, прототипы которых отражают внешний вид человека, его одежду и обувь (*посмеиваться в бороду, спустя/засучив рукава, заткнуть за пояс, дать по шапке, два сапога пара и т. д.*).

Жизнь крестьянина, его орудия производства, домашние и трудовые обязанности, печали и радости представлены в прототипах многих фразеологизмов: *огород городить, бросать/кидать камешки в (чей-либо) огород, возжа/шля под хвост попала, пятое колесо в телеге,*

выбиваться из колеи, войти в колею, загибать салазки, как обухом по голове, вбивать клин, дым коромыслом, грести лопатой, хоть кол на голове теши, вилами на воде писано, выносить сор из избы. Некоторые, казалось бы частные, подробности повседневного быта особенно активны во фразеологизмах: производство лыка (*не лыком шит, не всякое лыко в строку, лыка не вяжет, ободрать как липку*), «культ» русской парной бани (*пристал как банный лист, задать баню/пару/жару*), обычай колокольного звона (*звонить во все колокола, бить тревогу /в набат, во все тяжкая, смотреть со своей колокольни*), обычаи молодечества, кулачного боя-игры (*стенка на стенку, брать/взять чью-либо сторону, становится на чью-либо сторону, класть на лопатки, выбивать почву из-под ног*), устройство крестьянского двора (*ни кола ни двора, не ко двору*).

Прототипы фразеологизмов содержат русские имена собственные (*по Сеньке и шапка, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, как Сидорову козу*), символику цвета (*красный петух, черный день, белый флаг*), нравственные представления (*чувство локтя, плечом к плечу, дать честное слово, держать камень за пазухой*), специфику российского исторического развития (*вольный казак, как Мамай прошел, казанская сирота, во всю Ивановскую*).

Фразеологизмами стали многие привычные, клишированные обороты русского фольклора (из сказок, былин, песен): *на все четыре стороны, скоро сказка сказывается, любо-дорого смотреть, подбру-поздорову, ни жив ни мертв, за тридевять земель, откуда ни возьмись, провалиться сквозь землю, по щучьему веленью*. Группа фольклорных фразеологизмов очень интересна не только с национально-культурной, но и с эстетической точки зрения. К ней примыкают фразеологизмы, прототипы которых восходят к

художественной литературе: *остаться/оказаться у разбитого корыта* (Пушкин), *есть еще порох в пороховницах* (Гоголь), *рыльце в пушку*, *зелен виноград* (Крылов), *человек в футляре* (Чехов). За время советской власти появились: *равняться на передовиков*, *брать курс (на что-л.)*, *занять первое место*, *выйти на финишную прямую*, *получить добро*, *ставить вопрос ребром*, *поставить заслон*, *стоять на платформе*, *брать на заметку/ на карандаш*, *ставить знак равенства*.

Существенным источником обогащения фразеологии является современная наука и техника: *заложить фундамент*, *спустить на тормозах*, *на холостом ходу*, *цементировать союз*, *испытывать на прочность*, *жить в вакууме*, *иметь/вызвать резонанс*, *установить контакт*, *поставить диагноз*, *выбрать оптимальный режим*, *определить параметры*, *придать необратимый характер*. Особенно активна «астрономическая» и «космическая» фразеология: *дышать одной атмосферой (с кем-л.)*, *накалять атмосферу*, *быть на орбите*.

Однако в языке существуют фразеологизмы, план выражения которых не обнаруживает никаких национальных черт. Д.О. Добровольский говорит, что «с интуитивной точки зрения не вполне ясно, почему мы должны усматривать некую национальную или культурную специфичность в таких идиомах, как *лезть на стенку*, *качать права*, *не моргнув глазом*» (Добровольский 1997). Однако подобные фразеологизмы, сформированные, как правило, на образно-метафорической основе, так или иначе участвуют в формировании языковой картины мира и тем самым являются, по сути дела, основанием национальных культур.

Многие русские фразеологизмы включают в свой состав числительные, которые также несут в себе культурно-специфическую семантику.

1.3. Символика чисел в национальных культурах

Исследование числительных с точки зрения отражения в них этнокультурных, ментальных особенностей понятия числа осуществляются не только лингвистами, но и психологами, этнологами, культурологами, историками, математиками, философами. Числа имеют в культурной системе символов дополнительные, символические значения и поэтому являются семиотическими полифункциональными знаками.

Каждое число обладает своей символикой, как правило не совпадающей в разных культурах. Помимо абстрактного количественного или порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации. В этом отношении оно не отличается от других признаков характеристик окружающего человека мира—точно также в народной традиции семантизируется и оценивается цвет, пространственные и временные признаки – «верх-низ», «правый-левый», «прямой-кривой», «восток-запад», «день-ночь» и т.д.

Поскольку число является результатом счета, перечисления, измерения, взвешивания и т.д., необходимо начать с того, как интерпретируются сами эти действия в народной традиции. Они часто трактуются как опасные, им придается магический смысл, с их помощью, по народным представлениям, можно овладеть предметом счета, подчинить его своей воле; Эти действия часто приписываются колдунам, персонажам нечистой силы.

Рассмотрим символику чисел в русской (шире – славянской) и китайской культурах.

Согласно Словарю символов и знаков [<http://sigils.ru/signs/dvoyka.html>] *единица* символизирует единое как исток всего множества вещей, это центр,

Бог, солнце, мужское начало; это бытие и проявление духовной сущности в противоположность небытию и непроявленности. Число один также воплощает активный принцип; оно есть начало. Кроме того, единица обозначает духовное единство, целостность, единую природу всего сущего.

В китайской культуре один символизирует начало всех вещей, совершенную неделимую сущность. Единица, благодаря своей многомерности в философском смысле—это и начало Вселенной, и основа «десяти тысяч вещей», и единство человека с Небом (tianrenheyi). Это числительное парадоксальным образом сочетает в себе и идею мизерности, и идею всеобъемлемости. Число один не может образовывать класс. Сама отсылка европейской традиции к Солнцу при помощи определенного артикля (the sun, die Sonne, le soleil) указывает на то, что это единственный элемент, совпадающий с классом. Но согласно китайскому преданию первоначально было 10 солнц. Таким образом, денотат taiyang или ri, как у любого нарицательного имени, может мыслиться и в единственном, и во множественном числе.

Словари символов и знаков свидетельствуют, что *два* образуется при сложении двух единиц. Это первое четное число и первое число, которое можно поделить. Как и все четные числа, *два* — это женское число. Разделить что-то на два, поровну — значит поступить справедливо, по-честному. Современная арабская цифра *два* происходит от двух горизонтальных линий, т.е. двух единиц. Это число всегда было символом дуализма, двойственности, союза, противостояния духовного и материального миров, единства и борьбы противоположностей. Во многих культурах существуют понятия о двух загробных мирах, куда попадают после смерти души умерших людей. В христианской традиции их принято называть раем и адом. Эти два мира

являются наиболее ярким символом поляризации как вечное противостояние добра и зла.

Изучение мифопоэтических воззрений славян показало, что число *два* наделено достаточно большим количеством символических значений:

1. Противостояние, заложенное в семантику числа *два*, выражается в славянской религиозной традиции оппозицией Белобога-Чернобога, репрезентирующих добро и зло соответственно. Возникновение данной оппозиции можно объяснить наблюдениями за основами мироздания, где ярко представлены противопоставления дня и ночи, зимы и лета и пр.
2. Число *два* в славянской культуре тесно связывалось с представлениями о потустороннем мире. Так, полагали, что свою Долю (божество, персонифицирующее человеческую судьбу) представлялось возможным увидеть два раза в жизни: сразу после рождения и перед смертью. Отметим, что связь числа *два* с потусторонним миром объясняет частотность двойственности в обрядовых и ритуальных действиях, направленных на установление контакта с нечистой силой, на защиту от ее негативного воздействия (для наведения порчи использовался предмет, состоящий из двух частей, замок с ключом, сросшиеся плоды). Представления о негативной, связанной с потусторонним миром семантике числа *два* персонифицировались в славянском божете Двоедушнике – человеке, способном превращаться в животное и приносить вред.
3. Число *два* в культуре славян соотносилось с идеей супружества. Единением мужского и женского начала. Так, пара аистов символизировала скорую свадьбу. Структура внешнего мира нашла отражение в ор-

ганизации жилого пространства: дом делился на две части – мужскую (правую, в которой располагался красный угол) и женскую (левую, в которой находился очаг) [Осипова 2008].

По словарю Славянских древностей [1999] *два* – это элемент числового кода, символизирует парность, четность, удвоение и раздвоение, двойничество; в народных верованиях получает противоречивую оценку: считается опасным, дьявольским числом, ассоциируется со смертью, но может иметь и положительное значение единения, удвоения блага. Два одинаковых предмета по народным поверьям могли принести несчастье и смерть. Так же считалось опасным и запрещалось двум лицам одновременно совершать одно и то же действие. Плохим знаком считалась и встреча двух лиц, тождественных по своему социальному положению, например, двух сватов или двух невест, двух рожениц, в один день разрешившихся от бремени. Демонический и иномирный характер числа *два* выражен в болгарской поговорке: «Ако палиш Богу една свещ, на дявола две пали» [Если возжигашь Богу одну свечу, то черту ставь две]. По верованиям словенцев, собака с «двойными» глазами способна увидеть смерть, при этом она начинает выть и скулить. Демонический характер двоичности ярко проявляется в верованиях о том, что черта и другую нечисть можно сразить только одним ударом: если же ударить дважды, он снова оживет и даже удвоится.

Особенно большое значение придавалось символике числа *два* в погребальных обрядах и в верованиях, относящихся к смерти. Сербы были убеждены, что в семье, где в течение одного года случились две смерти, непременно будет третий покойник, ибо «первые два его зовут». Значительно слабее выражена положительная символика числа, связанная главным образом с мотивами и с продуцирующей хозяйственной магией, где *два* осмысливается

соответственно как символ брачной пары и как знак преумножения благ: двойной колос ритуально скармливается скотине ради повышения ее плодовитости. Наконец, *два* может иметь свое прямое числовое значение, как, например, в русском обычае в Чистый четверг до солнца давать два семечка капустной рассады, чтобы она принесла двух телят, или девятого марта угощать двух овец двумя галушками, чтобы они приносили по два ягненка.

В Китае *два* — хорошее, счастливое число. Однако, как и единица, в полном смысле этого слова *два* не считается числом. Китайцы считают, что все хорошие вещи имеют пару. Мужчина и женщина составляют пару. *Двойка* — символ женского начала, а также Земли. Два — это символ соединения и взаимодополнения, связи и борьбы противоположностей. У даосов это — Небо и Земля, священный союз мужского и женского, который обеспечивает продолжение жизни. Солнце и Луна, свет и тьма, белое и черное, две энергии ян и инь, равновесие которых обеспечивает здоровье. Умение давать и умение брать, которые взаимно дополняют друг друга. В гадании двойка означала благоприятные условия роста и развития, влагу для ростка, а в цикле 12 — подрастающее поколение, "Отпрыск". При десятиричном отсчете считалось, что число управляется Юпитером и относится к стихии дерева. Оно поэтично называлось "Бамбук" — это растение обладает самым быстрым ростом и самыми широкими возможностями употребления.

Тройка в русской традиции, в первую очередь, воплощение духовного начала, она символизирует полноту и завершенность. Почитание христианского понятия Троицы, которая представляет собой триединство, делает тройку обозначением совершенства и духовности.

Сам человек также имеет троичную организацию, включающую тело, душу и дух. Геометрический символ тройки — треугольник, и в изображениях

Всевидящего ока эта фигура становится обозначением Троицы.

Однако значимость тройки проявилась не только в русской религиозной мысли, но и в знакомых нам сказках, преданиях и в бытовых традициях. В фольклоре мы встречали трех богатырей, которые должны были победить трехголового змея-горыныча. У героя было три желания, он подвергался трем испытаниям, оказываясь на распутье из трех дорог. Троекратный поцелуй на счастье стал русским символом. Интересно, что христианский термин “троица” начал употребляться во II в. Тертуллианом вместо слова “триада”. В отличие от “триады”, которая выражала значение “трое разных”, “троица” означает “совокупность трех”.

Позитивный характер Троичности, Троицы проявляется практически во всех традициях, особенно в христианстве. Приведем пример из Библии в отношении третьего сына Адама – Сифа, вновь обретшего Рай, заменив отцу убитого Авеля. Этот сюжет точно соответствует логике происхождения чисел:

Авель (1) угоден Богу. Каин (2) не угоден Богу (его жертвы отвергаются), т.к. 2 есть отрицание 1. Это отрицание яснее выражается убийством Авеля Каином. Сиф (третий сын) есть возврат к Единству ($3 = 1 + 2$). Авель дал начало чистой ветви человечества, Сиф – источник особой божественной духовной множественности. Интересно и то, что Сиф, по-древнееврейски “seth”, тождественно санскритскому корню “sat”, Чистое Бытие. 3 являясь принципом Мудрости, дает человеку возможность управлять временем, организуя настоящее, предвосхищая будущее и применяя опыт прошлого.

Для китайцев число три дает следующий ряд ассоциаций: три основных сокровища буддизма, триада "Небо - земля - человек", число силы Ян, Триратна (Будды Сакья-муни, Амитабу и Майтрейя), три мира по представлениям буддистов (Мир пожеланий, Мир цвета, Мир бесцветий), три сокровища

кабинета (кисточка, тушница, бумага). Интересно, что в древнекитайской культурной традиции именно 3 считалось первым числом, оно открывало числовой ряд.

Эзотерическое значение 3 в том, что она соединяет воедино, примиряет конфликты, начало синтеза. В человеческом аспекте, это тройственное строение гомо сапиенс: дух, душа, тело.

Идея четверичности менее типична для русской традиции. Тем не менее, можно вспомнить четырехголового Збрученог-идола, объединение в одно божество четырёх славяно-балтских божеств - Ярович, Рцевит, Поревит, Поренут, четыре стороны света и, соответственно, четыре мифологизированные ветра.

В Китае четверка – число земли, которую символизирует квадрат. Четыре духовно одаренных или священных существа: дракон, феникс, цилинь (единорог), черепаха, символизирующие также четыре стороны света.

В целом, это несчастливое число. В гостиницах и больницах Китая редко бывают 4-е этажи. В китайском языке числительное «четыре» и глагол «умирать» являются омофонами, а автомобильные номера, заканчивающиеся на 4, запрещены в Пекине как несчастливые.

В России число пять играло важную роль. В нашей стране была распространена особая игра, имеющая кельтское происхождение, во время которой человек должен был подбрасывать и ловить рукой пять камней с целью гадания. Древние люди были убеждены, что солнце пляшет пять раз в году. Иногда пятерка рассматривалась на Руси как символическое обозначение брака, а также как число единения человека со Всевышним. Почитание пятёрки опиралось в русской традиции не только и не столько на языческие корни, сколько на христианские истоки. Пятерка воспринималась в средние века как

знак мистического соединения земной церкви со Спасителем.

В Китайской культуре устанавливается отношение соответствия в идеальном мире между природой и человеком посредством числа 5.

Перечислим некоторые из них: пять направлений, пять императоров, пять богов, пять зверей, пять звуков, пять цветов, пять инструментов, пять запахов, пять вкусов, пять видов восприятия, пять внутренностей, пять добродетелей, пять домашних построек, пять внутренних органов, пять этических норм и т. д.

Говоря о числе пять как о наиболее часто встречающемся классификационном коде, нельзя не упомянуть о его связи с числом девять — знаком императора. Согласно нумерологической традиции, пять занимает центральную клетку в девятиместном построении. Это число связано со всеми остальными числами и объединяет их в одно целое. Кроме того, число пять - нечетное, соответствующее мужскому началу. Таким образом, пять становится сакральным числом, олицетворяющим высшую власть.

Китайская культура использует число шесть скорее как служебное, а не основное число. Это — некоторая стабильность, приходящая после пяти. Число, дающее полный объем — 6 направлений: зенит, надир и четыре стороны света. Стабильность влияний и перемен: мужская энергия, женская энергия, ветер, дождь, свет, тьма. 6 добродетелей: мудрость, милосердие, медитация, справедливость, середина и гармония. 6 страстей: радость, гнев, печаль, удовольствие, любовь, ненависть. 6 видов женщин: посредница, продавщица, медсестра, певица (проститутка), колдунья, ученая. В гадании шестерка означала пороки или недостатки, слабости. В двенадцатеричном цикле число центральное и счастливое. Означало "Исполнение", наполнение, и достижение пределов. При десятиричном отсчете считалось, что число — счастливое, спокойное и умеренное. Им управляет Сатурн, ему соответствует стихия земли,

оно способствует продуктивному труду и называлось "Равнина". Омоним числа — "богатство".

Число шесть встречается в русской мифологии и традиции значительно реже пятерки. Его присутствие можно заметить не только в арифметическом, сколько в пространственно-геометрическом плане. Так, ученые говорят о "громовом знаке", посвященном древнеславянскому богу грозы (в качестве которого выступали как Перун, так и Рог) и представляющему собой как шестилучевую звезду, вписанную в окружность, так и знак в виде колеса с шестью спицами.

Число *семь* можно получить при помощи сложения тройки и четверки. Первое из этих слагаемых является символом Неба и души, второе же олицетворяет собой Землю и тело. С древности было принято делить жизнь человека на семилетние циклы. До семи лет длился возраст, когда ребенок обретал разум, затем до 14 он уже мог работать, в 21 год наступало совершеннолетие. Последующие циклы завершались в 28, 35 и 42 года соответственно. Также с глубокой древности идет традиция семидневной недели, каждый из дней которой посвящен определенной планете и божеству. Астрология в течение тысячелетий знала только семь планет, причисляя к ним Луну и Солнце. Их сакральными символами были корона с семью зубцами, семь алтарей, еврейский ритуальный подсвечник с семью свечами, солнечная колесница, запряженная семью быками, семь уровней вавилонской башни. Наиболее четко этот символический мотив просматривается в Библии. В Ветхом Завете Бог создал Землю за шесть дней, а на седьмой отдыхал, потому что увидел, что его работа полностью завершена и совершенна. Здесь число семь обозначает также и заслуженный отдых после завершения всех дел. При взятии Иерихона семь священников, трубя в семь труб, в течение шести дней

обходили стены города по одному разу, а на седьмой – семь раз. Затем они вострубили вместе, и стены Иерихона рухнули. В Библии семерка – частотный знак. Конечно, семь встречается и в других священных книгах, но для славянской культурной традиции библейское наследие является основным. Во всех приведенных случаях числительное семь транслирует идею целостности и завершенности.

Семеричность – один из наиболее распространенных культурных мотивов славянской народной культуры (в данном случае мы имеем в виду и культурные универсалии, и отдельные факты, и фольклорные мотивы), ср.: 7 дней недели, 7 цветов спектра, 7 тонов в музыке; 7 героев в фольклорных сюжетах и т. п.

Семерка в Китае — одно из основных астрологических чисел, это число планет плюс два светила или плюс два лунных узла. Это и число лунных стоянок на каждой стороне света. Семь планетных циклов, семь дней. Это — семь мудрецов или семь богинь, посланных Небом. Но в нумерологии его употребляют мало. В Древнем Китае быстро отказались от семеричной недели, и 7 не употреблялась в повседневной жизни. Семь символизирует не всем доступную мудрость и добродетельность. В Древнем Китае было 7 путей мудрого сердца, 7 игр, 7 исторических пагод, 7 признаков благородства, 7 предметов для наставлений, 7 причин для развода. В гадании семерка означала болезни, бессилие, начало упадка. В двенадцатеричном цикле означала "Равновесие", баланс между светлыми и темными силами. При десятиричном отсчете считалось, что числом управляет Венера и стихия металла. Оно называлось "Меч" — оружие и защищает, и притягивает конфликты, помогает сильному и поражает слабого. Омоним числа "наверняка".

8 – любимейшее число в Китае, символ совершенства, полноты в природе и государстве. Ассоциативный ряд таков: восемь направлений, восемь сезонов и восемь ветров, диктующих погоду. Это 8 годовых праздников, 8 богов: бог неба, бог земли, бог войны, бог тьмы, бог света, бог луны, бог солнца, бог четырех времен года. 8 духов, 8 драгоценностей: сердолик, коралл, черепаховая кость, перламутр, рубин, лунный камень, горный хрусталь. 8 классов, приближенных императору. 8 по-китайски звучит как [ba], однако на юге Китая читается как [fa] = [фацхай] = *разбогатеть*, именно поэтому китайцы любят номера, в которых одна из составляющих - восьмерка. Особенно престижно иметь несколько восьмерок в номерах машин и телефонов. Три восьмерки [ба-ба-ба] значат то же, что и [фа-фа-фа] – процветание. Не случайно Олимпийские игры 2008 г. в Пекине открывались 8 августа в 8 часов вечера. Интересно, что из-за веры китайцев в силу числа "восемь" выдача автомобильных номеров в Китае - это один из самых прибыльных видов бизнеса: с 1988 г. в Транспортном управлении Гонконга регулярно проводятся аукционы автомобильных номеров; продажа номера "8" за 650 тыс. долларов, которая состоялась на первом же аукционе, до сих пор остается рекордом Книги Гиннеса.

В христианстве восьмерка символизирует возрождение и обновление. Причина данной символики заключается в том, что воскресение Христа подается здесь как «восьмой день творения». В Христианском культе и эмблематике есть немало примеров, иллюстрирующих сакральное значение восьмерки. Эмблемой воскресения креста служит восьмиконечный мальтийский крест, а духовное обновление человека через таинство крещения отражено в восьмигранной форме крестильной купели.

В христианской иконографии восемь лучей имеет Вифлеемская звезда, возвестившая миру о рождении Спасителя. Число восемь встречается в

древнерусских текстах, хотя его наиболее важное проявление – графическое. Восьмилучевая звезда Богородицы относится к сакральным славянским раннехристианским символам. Известное святилище Перуна, окруженное восемью кострищами, расположенными по четырем основным и четырем промежуточным сторонам света.

Число девять весьма часто встречается в русской традиции, где оно может связываться с календарной тематикой. «В славянских сказках змей бывает 9головым, а ведьма имеет 9 братьев. Согласно русским преданиям медведь встает из берлоги 9 марта. Девятая неделя после Пасхи всегда очень почиталась». Русская народная сказочная традиция украшала демонического змея тремя, но гораздо чаще трижды тремя, то есть девятью головами, которые должен срубить добрый молодец буланым мечом. Этот девятиглавый демонический змей, тождественный образу Черного Бога Земли практически бессмертен, поскольку на месте срубленных одним махом трех голов вырастают три другие. Лишь вмешательство Высших Сил и смекалка героя, правильно использующего острый меч (единицу), помогает победить непокорную перевернутую девятку и утвердить единство.

Девять, согласно китайской традиции, — это число предела. Оно сакрально и приносит счастье. Культ числа 9 «девять», видимо, восходит к его внешнему сходству в надписях на бронзовых сосудах с иероглифом «дракон». *Jiu* — это драконоподобный мифический зверь, не имеющий на голове рогов. Оба иероглифа связаны с деяниями мифического императора Юя, который посвятил свою жизнь борьбе с наводнениями, приносящими бесчисленные бедствия народам Китая. Подвиг Великого Юя, как пишет первый историк Китая Сыма Цянь, заключается в том, что он «воздвиг девять гор, соединил девять болотистых местностей, вырыл девять рек, установил девять земель». В

биографии ханьского императора Уди Сыма Цянь поясняет: «Юй собрал металл с девяти пастбищ, отлил из него девять треножников как символ девяти земель». С тех пор девять треножников стали олицетворением высшей государственной власти императорского Китая. (Другой мифический император, Хуанди, имел драконий лик *long yan*, ходил в драконьей мантии *long paо*, носил желтую одежду с вышитыми золотом изображениями драконов. А девять земель *jin chou*, которые также называют «землями Богов» *shen zhoа* (это иносказательное название Китая), окружены со всех сторон «девятью варварами» *jiu yi*. Надо полагать, что число девять в представленном контексте — всего лишь обозначение предела некоего множества, образующее девять квадратов с четко выделенным центром. Последний олицетворяет Срединное государство, которое в наивной картине мира древних китайцев совпадало с Поднебесной. Если связь числа девять с драконом еще может подвергаться сомнению, остается непреложным фактом, что это самое старшее число в ряде мужских чисел (гексаграмм). Обожествление числа девять предопределяет его статус счастливого знака. Широко отмечаемый в Китае праздник двойной девятки девятого числа девятого месяца связан с легендой об избежание беды. Семья одного ученого, послушав совет друга, поднялась в горы. Когда они вернулись домой, все домашние животные оказались мертвыми (есть версия, что от пожара). Но суть праздника в том, что в день двойной девятки, когда летняя жара уже спадает, хорошо семьями отправляться высоко в горы, пить вино и приятно проводить день на лоне природы и возвращаться домой с полной уверенностью в том, что удалось избежать всех бед. Многие традиционные праздники Китая имеют место в тени, когда совпадают числа дня и месяца. Число девять выступает как классификатор атрибутов государственных институтов, в том числе и архитектурных деталей

императорского города. В нем должно быть девять ворот, девять дворцов, девять стен с изображениями девяти драконов. В системе государственного управления имеются «девять министерств» *jiu si*, «девять категорий чиновников» *iu deng* (позднее переименованных в *jiu pin*), «девять законов», «девять разновидностей налогов». Земельные угодья делятся на девять частей согласно системе «колодезных полей» *jing tian zhi*. При аудиенции у императора его подданные обязаны совершить «девять челобитий». В день зимнего солнцестояния император поднимается на алтарь Храма моления об урожае, построенного на круглой площадке, к которой ведут девять ступеней.

В русских фразеологизмах встречаются все числительные первого десятка (*Одного поля ягода, От горшка два вершка, В три погибели, В четырех стенах, Пятое колесо в телеге, Семеро по лавкам, Девятый вал, Десятая вода на киселе*), также можно встретить числа 25, 40, 100 (*Опять двадцать пять, Сорок раз по сорок, Сто к одному*).

Материалы фразеологических словарей китайского языка и опросы китайских и вьетнамских студентов показали, что во ФЕ их языков встречаются все числительные первого десятка (по техническим причинам мы не можем привести ФЕ на китайском языке и даем только дословный перевод): *один раз солнце – два раза туман; одна судьба – два долга; один рот закрыт – девять ртов открыто; два тигра дерутся; о трех головах и шести руках; середь ночь в третью стражу (в глубокую ночь); трех человек достаточно, чтобы распустить любую нелепость (заставлять поверить во что-то); три раза тонуть – семь раз подниматься; среди двух моих спутников один наверняка мой учитель; семь рук – восемь ног (быстро); одним действием добиться двойной выгоды; отказаться признать своих шесть родственников; пять озер, четыре моря (все уголки страны); одним взглядом охватывать десять строк;*

один раз деньги за куриц, три раза за рис; один день разлуки как три года; за одно утро, за одну ночь; три раза подумай, а затем действуй; три сердца, два мнения; семь наверх, восемь вниз; два лица; хромать на обе ноги; один метр до неба; одна потеря – десять подозреваемых; что половина цзиня, что восемь лян (одно и то же).

Но, как и в русском языке, встречаются и большие числа: *один раз потерять доверие – десять тысяч раз не верить; отобрать одного из ста; Кормят войска тысячу дней, а используют одну минуту.*

Таким образом, числовая символика в разных лингвокультурах имеет общие, универсальные смыслы и собственные, национально-специфичные, к анализу которых мы обратимся в следующей главе.

Глава II. Семантические особенности фразеологизмов

с числовым компонентом

Существует большое количество работ, посвященных становлению числа как грамматической категории и числительных как самостоятельного грамматического класса. Назовем лишь отдельные из них, в которых грамматический аспект рассмотрения числительного и категории числа совмещен с аспектом семантическим – это исследования А. А. Потебни, А. А. Реформатского, А. Е. Супруна, В. И. Дегтярева, Т. Б. Лукиновой, О. Ф. Жолобова и др.

2.1. Лексемы *один/первый* в русской фразеологии

В русистике нет единого понимания грамматического статуса слова «один». Слова, обозначающие очень большие и, напротив, самые маленькие числа, к которым относится и слово «один», особняком стоят в языке. Одни ученые считают его числительным по семантическим и грамматическим признакам. Имя числительное – это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно) [Русская грамматика 1980: 571]. Оно входит в лексико-грамматический разряд количественных числительных, в частности является определенно-количественным, поскольку обозначает определенное количество единиц.

Другие ученые относят его к прилагательным. Слово *один* изменяется по родам, причем оно во всех падежах и числах согласуется с существительным (*один дом, одному дому*). Счетно-местоименное прилагательное *один* при счете употребляется в одном ряду с количественными числительными: *один (одна, одно), два (две), три, четыре, пять*. В тех случаях, когда счет обращен непосредственно на считаемые предметы, наряду со словом *один* возможно

употребление слова *раз* (разг.) *раз, два, три...* С количественными числительными слово *один* сближает его участие в формировании составных числительных: *двадцать один, сто один, тысяча двести тридцать один*.

Таким образом, слово *один* при счете (во всех формах им.п. ед.ч.) и в составных числительных (во всех формах ед.ч.) совмещает в себе формальные признаки прилагательного с функциями количественного числительного [Русская грамматика 1980: 574].

Форма *одни* в значении числительного употребляется в сочетании с существительными, имеющими форму только множественного числа (*одни ножницы, одни сутки* и т.п.). В сочетаниях со словами, имеющими ед. и мн. число, форма *одни* имеет значение ограничительной частицы или неопределенного местоимения: *В кладовых у него одни мыши; Одни ученые соглашаются, другие возражают*. Со словами, обозначающими парные предметы, форма *одни* выступает как в первом, так и во втором из указанных значений: *У меня одни (числительное) перчатки и одно кашне; В кармане одни (частица) перчатки, а кашне нет*.

С этимологической точки зрения, *один* образовано от сложения основ ед- (из старославянского – только) и ин- (из индоевропейского – один, сам) [Этимологический словарь 1977].

В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой лексема «один» представлена в 9 значениях:

1. в значении числительного. *К одному прибавить три*.
2. в значении прилагательного. Без других, в отдельности от других, в одиночестве. *Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит*. Лермонтов, *Выхожу один я...*

3. в значении прилагательного. Никто другой или ничто другое, кроме; единственный. – *Дома одни лишь ребята да здоровенные псы.* Н. Некрасов, Дедушка

4. в значении прилагательного. Тот же самый, тождественный; одинаковый. *Стоять на одном месте.*

5. в значении прилагательного. Целостный, неделимый, единый. *Века все смеют, Дни пройдут, Людская речь В один язык сольется.* Есенин, Поэтам Грузии.

6. в значении местоимения. С предлогом «из» употребляется для выделения единичного лица, предмета, явления и т.п. или группы лиц, однородных предметов из какой-либо категории, среды, ряда. *И рыбок пестрые стада В лучах играли иногда. И помню я одну из них: Она приветливей других Ко мне ласкалась.* Лермонтов, Мцыри.

7. в значении местоимения. В сочетании с «другой» употребляется при перечислении, противопоставлении и т.п. ряда лиц, предметов, явлений и т.п. *В одном месте дадут ему квасу, в другом – хлеба.* Чехов, Палата №6.

8. в значении местоимения. В сочетании с «другой» употребляется для противопоставления лиц, предметов или явлений по каким-либо признакам, указывая на их различие или перемену. *Шум дождя был двойной, разный, – в саду один, возле дома --- другой.* Бунин, Митина любовь.

9. в значении неопределенного местоимения. Какой-то, некий. *Несколько таких черепах вез в нашем поезде один молодой человек.* М. Пришвин, Дорогие звери.

В Словаре русского языка XI-XVII вв. дается еще 3 значения лексемы «один»:

1. в значении существительного. Человек, отдельная личность.

2. в значении существительного. Что-либо отдельное, один предмет.
3. со словом «только» или без него употребляется в значении `только`.

Большой толковый словарь русского языка выделяет особое, разговорное значение:

– Чрезвычайно, очень сильный; сплошной. *Не жизнь, а одно удовольствие!*

Лексема *один* обладает большим словопроизводным потенциалом. Словообразовательный словарь Тихонова дает следующее словообразовательное гнездо:

одн-**о'**, I
 одн-**о**
 один-**ехонек**
 оди'н-одинехонек
 один-**ешенек**
 оди'н-одинешенек
 один-**е'ц**
 оди'н-**надцать**
 оди'ннадцат(-**о**-ый)
 один-**о'к**(ий), I, прил.
 Одно'к-**ий**, II, сущ.
 Одно'к-**ая**, сущ.
 Одно'к-**о**
 одно'к-**ость**
 одно'ч-**к**(а)
по-одно'чк-**е**
 кано'э-одно'чка *См.* каноэ
 куста'рь-одно'чка *См.* кустарь
 мать-одно'чка *См.* мать
 одно'ч-**еств**-о
 один-**о'чн**(ый)
 одно'чн-**о**
 одно'чн(-**ик**)
 одно'чн-**иц**-а
 один-**а'рн**-ый
 оди'н-**о-жды**

одн-а'-жды
оди'н-ова , нареч.
одн-ова' , нареч.
за-одн-о'
оди'н-еди'нственный См. единый
одна'-одно'й
одни'м-оди'н
одни'м-одна'
оди'но'й-одна'

Интерес представляют дериваты *один-одинёшенек* (разг.) «Совсем, совершенно один». *Одиночка* «1. Тот, кто находится вдали от других людей, отделился от них. 2. Тот, кто одинок в своей деятельности, не пользуется помощью, поддержкой других. 3. Тот, кто не имеет родных, близких, семьи». Их значение актуализирует сему одиночества, которую можно выделить как потенциальную в семантике «один».

Анализ нашего материала показал, что лексема «один» в составе фразеологизмов участвует в формировании фразеологического значения, привнося в него какую-либо сему или усиливая, гиперболизируя основное значение фразеологизма. Шао Наньси называет такую функцию нумератива «интенсификатором» [2009].

Рассмотрим интенсифицирующую функцию лексемы «один» во фразеологизмах и выделим семантические оттенки.

Некоторые интенсификаторы соотносятся с языковыми значениями лексемы «один», другие оттенки фразеологического значения лишь ассоциативно связаны с семантической структурой слова.

Числительное *один* открывает числовой ряд, что позволяет предполагать в его семантике такие потенциальные смыслы, как изначальность и целостность. *Один* еще нельзя считать полноценным числительным, поскольку

«типичное» числительное предполагает наличие структуры, а единица является, скорее, конструктивным элементом, что ведет к развитию смыслов, выходящих за пределы чисто количественной семантики.

1. Интенсификатор «одинокость, изолированность».

Этот оттенок соотносится со вторым лексико-семантическим вариантом полисемантического слова «один» – `без других, в отдельности от других, в одиночестве`: *Один в поле не воин (в одиночку все трудно делать); одной рукой и узла не завяжешь (в одиночку не справишься с каким-либо делом); один как сыч (одинокий человек); одна муха не проест и брюха (в одиночку дела не осилить)*. Интенсификатор одиночества передается лексемой «один» как существительным, как прилагательным и как местоимением. *Один* может транслировать семантику отдаленности от совокупности подобных объектов. Идея изолированности, переходя в сферу социальных отношений, наделяется негативными коннотациями: на первый план выходит представление о человеке как о существе социальном, неспособном вести полноценную жизнь в изоляции от других: *Одному против многих не замышлять; одному и топиться скучно; и в раю жить тошно одному; один и дома загорюет, а в поле и двое воюют.*

2. Интенсификатор «единственность, уникальность».

Опирается на третье значение `никто другой или ничто другое, кроме; единственный`. Интенсификатор подчеркивает важность, значимость того объекта, по отношению к которому употребляется фразеологизм. Поэтому существительные во фразеологизмах с таким интенсификатором обозначают уникальные объекты: *Одному аллаху известно*. В сфере религии единичность как уникальность связывается прежде всего с Богом, причем кажется, что в данном случае соединяются идеи целостности и уникальности; кроме того, в

народном сознании закреплена идея единства и религиозного и аксиологического: *Один Бог, одна правда.*

3. Интенсификатор «абсолютное отсутствие чего-либо».

Он также соотносится с третьим значением. Сема языкового значения «ничто другое» абсолютизируется в сему «ничто»: *Ни одной души* (никого, ни одного человека); *Одна речь не поговорка* (мнение, суждение кого-либо еще не аргумент); *Из пяти пальцев не вижу ни одного, а один в глазах семерит.*

Китайские ФЕ также выражают данное значение: *Быть неудачником (ни в одном деле не преуспеть); не пропустить ни одного слова; ничего нет.*

4. Интенсификатор «сходство, подобие».

Связан с лексико-семантическим вариантом `тот же самый, тождественный; одинаковый`: *Из одного и того же теста* (совершенно похож на кого-либо по характеру, мировоззрению); *Одним миром мазаны* (похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению; стоят друг друга); *Одного поля ягода* (очень похожи друг на друга по своим, обычно отрицательным, качествам); *В одну дудку дудеть* (поступать одинаково, действовать в одном направлении), *В один голос.*

Значение «одинаковости» находит отражение и в ФЕ китайского языка: *точно так же, как и раньше; совершенно одинаковый.* Это подтверждает, что существуют некие языковые универсалии, которые особенно четко выявляются во фразеологическом фонде языков.

5. Интенсификатор «всеобщность».

Числительное *один*, соответствующее наименьшему из натуральных чисел, является наиболее приспособленным для выражения идеи целостности, монолитности, всеобщности, которая во многом связана с христианской

традицией: *Бог один, да совесть не у всех одна; На весь мир один песок сеют; Одним словом* (короче говоря); *Все, как один* (все единодушно).

Идея целостности и всеобщности не уникальна для русской фразеологии, поэтому существуют такие единицы и в китайском языке: *за всю свою жизнь; единодушно*.

6. Символическое значение «интенсивность» можно вывести из разговорного значения лексемы «один» – «чрезвычайно, очень сильный», которое дает Большой толковый словарь. Один в соединении с лексемами, называющими быстрое однократное действие или короткий промежуток времени, подчеркивает семантику интенсивности: *в один момент* «тотчас, очень быстро»; *Одним духом* (сразу, в один прием); *Как одна минута* (очень быстро, совсем незаметно); *Всем свахам одним махом*; *Одной левой* (легко победить); *В один присест* (сразу).

Китайская нумеративная фразеология богата сочетаниями со значением интенсивности (так же, как и в русском «быстрое действие»): *одним действием добиться двойной выгоды, одним взглядом охватывать десять строк; понятный с одного взгляда*. Вместе с тем китайские ФЕ с таким значением, как *смертельно опасный; очень внимательный к чему-нибудь; одностороннее предложение* реализуют значение «в высшей степени, очень», которое отсутствует в языке русской культуры.

7. Ограничительное значение.

Как уже было сказано ранее, в Словаре русского языка XI-XVII вв. выделяется значение в сочетании со словом «только» (или без него): *Горе только одного рака красит*. Такое употребление нейтрализует семантику лексемы «один», сводит ее к нулю, и актуальным остается ограничительное значение частицы «только»: *В лес идут – на троих один топор берут*.

Нумератив «один» как компонент устойчивого выражения обозначает малое количество, в оппозитивных выражениях служит выражением контраста: один – много, один – другой: *В одни руки десять дел брать.*

8. Интенсификатор «неопределенно малое количество» не соотносится с номинативными значениями, и лексема «один» употребляется в качестве числительного, лежащего в основе оппозиции один – много (-ие): *Лучше один раз своими глазами увидеть, чем сто раз услышать; Лучше семь раз сгореть, чем один раз овдоветь.* В китайском языке также наиболее частотно употребляются ФЕ с оппозиционным значением один – много: *Один поёт – все подпевают; раз потрудиться, и век не знать забот; одно мгновение стоит тысячу золотых; один день разлуки, как три года; раз и навсегда; отобрать одного из ста; одно решить- значит все решить.* Но все же существуют сочетания, в значении которых лежит понятие мало: *бедный и культурно отсталый; одним словом не обойдешься; один волосок со многих быков (капля в море).* Для русской фразеологии такое значение не типично.

9. Лексема «один» употребляется в значении местоимения в оппозиции к «другой»: *В одной руке пусто, а в другой ничего; На одном конце червяк, на другом – дурак* (о рыболове-любителе). Такое же значение выводится и во ФЕ китайского языка: *разобравшись в одном, разобраться в остальном; завоевать славу легким трудом.*

Но не ко всем словарным значениям можно возвести смыслы, актуализированные лексемой «один» во фразеологизмах.

10. Нумеративные устойчивые выражения с числительными «один» передают и гиперболизируют идею метафорической «пространственной» близости: *От любви до ненависти один шаг; Лук с морковкой хоть с одной грядки, да не одинаково сладки.*

11. Аномалия. Наиболее активно числительное *один* функционирует в тематической сфере соматика, что кажется вполне закономерным: наличие у человека парных органов позволяет обыгрывать норму, задаваемую числительным два. Номинации, созданные по формуле 2-1, где 1 — норма, порождают семантическую доминанту соматической аномалии, которая, как правило, получает негативную оценку [Шабалина 2010]. Функционируя в тематической сфере парной соматики, единичность может указывать на недостатки работы того или иного органа: *одним ухом`не полностью, без подробностей`*. Затем эти недостатки могут распространяться на различные жизненные ситуации: *одной ногой`непрочно`*.

В ходе работы над фразеологизмами мы вывели уникальное для китайской фразеологии значение – это значение абсолютности: *абсолютная тишина; совершенно ясный, абсолютная ясность; полная чистота*. Возможно, эти значения уникальны для китайского народа, т.к. в их характере заложены такие качества, как дисциплинированность и умиротворение.

Но все же есть языковая универсалия для числа один: это противопоставление «один-много», что объясняется архетипическим свойством сознания – сравнивать противоположности, выделять единичное во множестве.

Перейдем к лексеме первый. Порядковые числительные, изменяющиеся, как и прилагательные, по числам, родам и падежам, имеющие такие же окончания и выполняющиеся те же синтаксические функции, часто считаются разновидностью прилагательных. Так и лексема «первый» имеет формальные признаки для того, чтоб считаться прилагательным.

Порядковые числительные выражают порядковое место предмета при счете (*третий дом от угла, наш дом – пятый от угла*).

В малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой лексема «первый» представлена в 8 значениях:

1. Числительное порядковое. *Первый день месяца.*
2. Употребляется после перечисления для обозначения лица, предмета и т.д., упомянутого раньше других (без существительного). *Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской крепости.* Пушкин, История Пугачева.
3. Предшествующий всем другим однородным или подобным; первоначальный, начальный. *Первые годы жизни на юге.*
4. Не существовавший, не бывавший раньше. *Первая паровая машина.*
5. Превосходящий всех других себе подобных. *Первая красавица.*
6. Любой, какой угодно. *Он готов был убить первого полицейского, который решился бы броситься на демонстрантов.* Саянов, Небо и земля.
7. В значении существительного. Блюдо, подаваемое в начале обеда. *Подать на первое солянку.*
8. В значении вводного слова. То же, что *во-первых*.

Лексема «первый» имеет еще 2 значения – по Словарю русского языка XI-XVII вв. под редакцией Д.Н. Шмелева:

1. древний, прежний.
2. лучший, богатейший.

А в Словаре современного русского литературного языка выделяется следующее значение:

1. по тону ведущий основную мелодию, верхний (о голосе, музыкальном инструменте).

Словарь Тихонова:

пе'рв(ый)

пе'рв-**ое**, *сущ.*
 пе'рв-**ые**, *сущ.*
 перв-**е'**(йш-ий)
 перве'-**ющ**-ий
 сам-**о**-перве'йший *См.* самый
 пе'рв-**еньк**-ий
 перв-**и'чн**(ый)
 перви'чн-**ое**, *сущ.*
 перви'чн-**ость**
 первичн-**о**-покро'в-**н**(ый) *См.* крыть
 первичнопокро'вн-**ые**, *сущ.*
 первичн-**о**-полост-**н**(о'й) *См.* полый
 первичнополостн-**ы'е**, *сущ.*
 первичн-**о**-ро'т(-**о**-ый) *См.* рот
 первичноро'т-**ые**, *сущ.*
 первичн-**о**-трахе'й-**н**(ый) *См.* трахея
 первичнотрахе'йн-**ые**, *сущ.*
 пе'рв-**о**
 пе'рво-на'перво
 перв-**а'к**
 первач-**о'к**,,1
 перв-**а'ч**
 первач-**о'к**,,2
 пе'рв-**ен/ств**(о)
 пе'рвенств-**ова'**-ть
 первенству'-**ющ**-ий, *прич.-прил.*
 пе'рв-**ен/ец**
 перв-**и'нк**(а)
 в-перви'нк-**у**
во-пе'рв-**ых**
в-перв-**о'й**
в-перв-**ы'е**
на'-перв-**о**
с-перв-**а'**

В словообразовательное гнездо входит полисемичная лексема *пéрвенство*, эксплицирующая своей семантикой потенциальную для порядкового числительного (прилагательного) сему «превосходство» (ср. лексико-

семантические варианты этого слова: 1. Превосходство в чем-либо (по значению, заслугам, качествам); 2. Первое место в производственных или спортивных соревнованиях; 3. Положение того, кто сделал что-л. первым, раньше всех других; Соревнования, в результате которых присваивается звание чемпиона). Этот смысл оказывается важным и для фразеологической семантики.

Первый, будучи элементом, открывающим числовой ряд, противопоставляется, с одной стороны, последнему, с другой — второму элементу ряда.

Идея первого как выдающегося, нетипичного, а значит, важнейшего, определяющего элемента числового ряда поддерживается и в народной культуре. Лексема первый отличается от прочих количественных обозначений тем, что идея изначального, а потому качественно иного (самого раннего, важнейшего, наилучшего) заложена в ней не на уровне коннотации, а на уровне категориальной лексической семантики.

Значения лексемы «первый», употребляемой во фразеологизмах, менее разнообразны и преимущественно сохраняют значения, свойственные прилагательному в свободном употреблении.

В значении порядкового числительного оно встречается 11 раз, например: *Первый блин комом; Собачья дружба до первой кости; Первая вина прощается.*

В значении прилагательного первый элемент, открывающий числовой ряд, наделяется семантикой изначального, которая, как правило, проецируется на временной континуум: *Первое слово* (начало в каком-либо деле, работе и т.п.); *С первого абцуга* (в самом начале); *В первую очередь* (прежде всего, сначала, сперва); *С первыми петухами` очень рано`* (проснуться).

Значение `превосходящий всех других себе подобных` иллюстрируется такими фразеологизмами, как: *Первый среди равных*. Сочетание данных смысловых оттенков характерно для лексем, обслуживающих сферу профессиональных качеств человека: *Играть первую скрипку* (быть главным в каком-либо деле); *Звезда первой величины*. За пределами профессиональной деятельности семантика *первого* как лучшего и важнейшего может проецироваться на весь спектр положительных качеств человека: *Первый парень на деревне, а деревня в два двора*.

Первый во временном отношении элемент может трактоваться как случайный, какой угодно: *Первый попавшийся (такой, который случайно подвергнулся, оказался ближе других)*; *Первый встречный*.

Первый элемент ряда воспринимается как простейший, подготавливающий почву и являющийся структурным элементом для более сложных элементов: *первая медицинская помощь* `простейшая медицинская помощь`.

Первый элемент ряда мыслится как наиболее актуальный и значимый с рационально-практической точки зрения: *первым делом, в первую голову* `сначала, прежде всего`, *предмет первой необходимости* `предмет, необходимый в повседневной жизни`, *на первом месте* `о ком/чем-либо наиболее значимом`.

2.2. Лексемы *два/второй/оба* в русской фразеологии

В русистике ученые считают слово *два* числительным по семантическим и грамматическим признакам.

А. М. Пешковский рассматривает числительное лишь в плане синтаксическом, предлагая самый термин заменить новым – «счетные слова», выделив среди них счетные существительные (единица, пара), счетные прилагательные (единичный, двойкой) и счетные наречия (дважды) [Цит. по: Валгина 2002].

Два входит в лексико-грамматический разряд количественных числительных, в частности является определенно-количественным, поскольку обозначает определенное количество единиц.

Числительное *два* имеет морфологическую категорию рода. У числительного *два* категория рода – это словоизменительная морфологическая категория, представленная двумя рядами форм: рядом форм мужского и среднего рода – *два* и рядом форм женского рода – *две*. Формы мужского и среднего рода обозначают, что числительными определяются предметы, названные существительными мужского или среднего рода; формы женского рода обозначают, что числительными определяются предметы, названные существительными женского рода: *два стола, две книги*. У слова *два* морфологическое значение рода выражено только в форме именительного и винительного падежей (в том случае, если винительный падеж равен именительному падежу): *два стола – две книги, но двух столов – двух книг*;

С этимологической точки зрения, *два* имеет общеславянский индоевропейский характер (ср. др. - прус. *dwai*, лат. *duo*, нем. *zwei*, англ. *two* и т. д.). Считается, что первоначально *два* было обозначением минимального числа в счете, так как понятия единицы как более абстрактного вначале не было [Этимологический словарь 2004].

МАС дает следующие значения лексемы *два*:

1. Число 2. *Написать цифру два.*

2. Количество 2. *Два стакана.*

Аналогичные значения представлены в Словаре русского языка XVIII века под редакцией С.Г. Бархударова.

В словообразовательном словаре даны следующие данные:

дв(а)

дв-о'ј(е) [двое]

двој-а'шк-а [двояшка]

двој-е'шк-а [двоешка]

дво'ј-иц(а) [двоица]

двои'ч-н-ый

дво'й-н(я)

двоин-я'т-а

двоин-я'шк-а

двоин-и'к,,I 1 Человек, имеющий полное сходство с другим

двоини'ч-о'к

двоини'ч-ник

двоин-ни'к,,I 2

дво'й-к(а),,I Цифра 2

дво'еч-к-а

дво'еч(-ник)

дво'еч-ниц-а

дво'йка-байда'рка *См.* байдара

кано'э-дво'йка *См.* каноэ

двој-а'к(ий) [двоякий]

двоя'к-о

двоин-н(о'й)

двоин-и'к,,II Сдвоенный предмет

двоиник-о'в-ый

двоини'ч-н(ый)

двоини'чн-ые, *сущ.*

ги'ря-двоини'к *См.* гиря

оре'х-двоини'к *См.* орех

в-двоин-е'

дво'й-ствени(ый)

дво'йственн-о

дво'йственн-ость

двоин-ча'т(ый)

двойча'т-к(а)
двойча'тк-ой, нареч.
ви'лы-двойча'тки См. ви'лы

в-дво'е

в-двој-о'м [вдвоем]

на'-двое

двој-и'-ть [двоить]

двои'ть-ся

за-двои'ться

двој-е'ниј-е [двоение]

дво'й-к-а,,II Двоение

двои'-ль/(щик)

двои'ль-щиц-а

вз-дво'ить

вздво'ить-ся

вздва'-ива-ться,,1

вздва'-ива-ть

вздва'ивать-ся,,2

вздва'ива-ниј-е [вздаивание]

вздво'-енн(ый), прич.-прил.

вздво'енн-о

вздво'енн-ость

за-двои'ть

пере-двои'ть

передва'-ива-ть

раз-двои'ть

с-двои'ть

у-дво'ить

дв-у'шк-а

два'-дцать

две-на'дцать

два'-жды

С семантической точки зрения в поле нашего внимания попадают словообразовательные дериваты *двойни́к* и *дво́йственный*. Семема производного существительного включает яркие семы «полное сходство с другим», «две однородные части» (ср. толкования: Человек, имеющий полное сходство с другим; Что-л., имеющее полное сходство с чем-либо другим; Предмет,

имеющий две однородные части или состоящий из двух частей). В семантике производного прилагательного значимой для нашего анализа является сема «противоположности» (ср.: Такой, в котором соединяются два различных качества, часто противоречащих друг другу).

Порядковые числительные, изменяющиеся, как и прилагательные, по числам, родам и падежам, имеющие такие же окончания и выполняющиеся те же синтаксические функции, часто считаются разновидностью прилагательных. [Русская грамматика 1980: 574]. Так и лексема *второй* имеет формальные признаки для того, чтобы считаться прилагательным.

Порядковые числительные выражают порядковое место предмета при счете (*второй* дом от угла, наш дом – *второй* от угла).

В МАС лексема *второй*:

1. Числ. порядк. к два. *Второй год. Вторая задача.*
2. Второстепенный, не главный по значению. На вторых ролях. □ *Художник в театре --- обязан опасаться заслонить собой актера, он должен быть на втором плане. Акимов, О театре. || Муз. Исполняющий вспомогательную партию. Вторая скрипка. Вторым голос. || Уступающий по качеству первому. Вторым сорт. Каюты второго класса.*
3. Заменяющий первого, настоящего. *Вторая родина.* □ [Фамусов:] *Уж об твоём ли не радели Об воспитаньи! с колыбели! Мать умерла: умел я принанять В мадам Розье вторую мать. Грибоедов, Горе от ума.*
4. в знач. сущ. второ́е, -о́го, ср. Блюдо, подаваемое после первого блюда. *Приготовить на второе котлеты.*
5. в знач. вводн. сл. второ́е. Устар. и разг. То же, что во-вторых.
6. в знач. сущ. второ́я, -о́й, ж. Мат. Каждая из двух равных частей, полученных при делении на два; половина.

В словаре русского языка XV-XVII вв. под редакцией Д.Н. Шмелева представлены такие же значения лексемы *второй*.

Толковый словарь Ушакова выделяет особое, седьмое значение:

1. Последний из двух названных (книжн.). *Строятся кирпичный и лесопильный заводы, причем второй почти готов.*

Словарь Тихонова:

втор(о'й)

втор-о'е, сущ.

втор-и'чн(ый)

вто'р-а

во-втор-ы'х

вто'р-и-ть

Интересным в связи с нашими задачами является дериват *вторичный*, имеющая значения «происходящий, совершаемый во второй раз»; «повторный; предназначенный для повторного использования»; «представляющий собою вторую, более позднюю ступень в развитии чего-л.»; «зависимый от чего-л. главного, основного»; «побочный; не оригинальный, подражательный (в искусстве)». Лексико-семантические варианты объединены, на наш взгляд, смыслами подчиненности, «неглавности», в них уже содержится отрицательная коннотация.

Собирательное числительное *оба* располагает формальными средствами выражения рода; однако оно относится избирательно к роду тех существительных, с которыми оно сочетается [Русская грамматика 1980: 573].

С этимологической точки зрения, *оба* того же корня, что латышск. *abi*, лат. *ambo*, греч. *Amphō*. *Оба* первоначально — «находящиеся около» (друг друга) [Этимологический словарь 2004]. Идея совокупности, собирательности лежит уже во внутренней форме слова.

МАС и БАС выделяют одинаковое значение слова *оба*: собирательное числительное. И тот и другой. *Пред испанкой благородной, Двое рыцарей стоят, Оба смело и свободно В очи прямо ей глядят. Пушкин, Пред испанкой... К дому с обеих сторон прилегали темные деревья старинного сада. Тургенев, Отцы и дети.*

Числительное *оба*, как и *два*, имеет морфологическую категорию рода и значение его выражено во всех падежных формах: *обоих студентов, обоими студентами; обеих студенток, обеими студентками.*

Перейдем к анализу фразеологической семантики этих числительных. Лексема *два* в составе фразеологизмов участвует в формировании фразеологического значения и, привнося в него какую-либо сему, усиливает и гиперболизирует основное значение фразеологизма. Выделяются следующие значения.

1. **Реально количественное значение.**

В некоторых фразеологизмах слово *два* выступает в своем прямом значении числительного и называет определенное количество. Идиомы данного класса содержат в себе имена счетных предметов: *Дороже алмаза свои два глаза; Двух зайцев убить; Старый друг лучше новых двух; Два арбуза в одной руке не удержишь (кое-кому это удастся сделать, а в большинстве случаев бывает осечка); Два брата стоят, два брата лежат, а сестрица ходит и песню заводит (о двери и косяках); Два братца в воду глядятся, а вместе не сойдутся (два берега реки); Два брата рядом живут, а друг друга не видят. Два брата на медведя пойдут, а два чужих и киселя не одолеют (близкие люди, в том числе друзья и приятели так говорят о себе).*

Прямое значение количества выражается — при помощи пояснительных конструкций, в которых представлен каждый из двух предметов: *На торгу два*

дурака: один дешево дает, другой дорого просит; У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожисже; Два Николы: один травный, другой морозный; один с травой, другой с зимой или сочинительным словосочетанием с союзом да (=и), объединяющим два предмета или явления: У Николы две школы: аз, буки учат да кануны твердят; Стар да умен – два угодыя в нем; Губы да зубы – два запора (забора), а удержу нет; Губки да зубки два замочка: вылетит словечко – не поймаешь; Не день и не два; Два друга – мороз да вьюга; Собрались два друга – дуга да подпруга.

Значение количества выражается и через включение лексемы два в количественный перечислительный ряд: *Одна женщина – баба, две бабы – базар, а три – ярмарка; Два горя вместе, третье пополам.*

2. Значение «мало, меньше нормы».

Данный интенсификатор поддерживает значение фразеологизмов преимущественно с отрицательной семантикой. В толковании идиом выделяются коннотации экспрессивности «очень»: *От горшка два вершка* (очень низкий, низкого роста, маленький. О человеке); оценки «набекрень» (Искон. Срращение предлога *на* и сущ. *бекрень* «бок», в диалектах еще известного) [Этимологический словарь 2004]: *Шапочка в две денежки – и та набекрень*, а также модальные смыслы: «не мочь», «не уметь»: *Двух слов не мочь связать* (не мочь, не уметь связно сказать что-либо, изложить свои мысли).

Во фразеологизме *Первый парень на деревне, а деревня в два двора* также подразумевается значение «очень маленький».

Идиомы этого класса нередко строятся по принципу антитезы: *Цена зайцу – две деньги, а бежать – сто рублей; Двое паирут, а семеро руками машут.*

Два как показатель малого количества противопоставляется числительным *семь* и *сто*.

Фразеологизм *Два пальца подавать* (о выходке надменных выскочек) описывает нарушение этикетной ситуации рукопожатия при прощании или приветствии, когда подают всего два пальца (меньше, чем принято), т.е. *два* тоже служит сигналом малого количества.

Китайская фразеология тоже содержит в себе устойчивые выражения со значением `мало, меньше нормы`: *три дня ловить рыбы, а два дня сушить сети* (учиться/ работать плохо).

3. Значение «много, больше нормы».

Очевидно, что в этой группе число *два* и его производные становятся синонимом лексемы *много*. В толкованиях фразеологизмов отмечены семантические признаки `превышение нормы`, `аномалия`.

Две шкуры драть (безжалостно угнетать, использовать в своих интересах). Лексема *два* отражает нереальную ситуацию, потому что у живого существа бывает только один кожный покров (шкура). Эта ситуация подчеркивает, актуализирует смысл `много, излишне`.

Видеть на два аршина под землю (отличаться большой проницательностью). Здесь наблюдается аналогичная ситуация, потому что внутрь земли видеть невозможно, тем более на два аршина. Ирреальность задает смысл `больше, чем бывает обычно`.

О двух головах. Здесь лексема *два* также указывает на нереальность ситуации, т.к. двух голов не бывает у живых существ, и это подчеркивает смысл `больше, чем обычно`.

Семантику аномальной раздвоенности транслирует выражение: *жить на два дома* `жить в доме родителей после женитьбы, замужества`.

Два наделяется семантикой аномального количества в сочетании с названиями частей тела и транслирует представление о «второй голове» как о гаранте неуязвимости, защищенности: *о двух головах`о ком-либо неосмотрительно смелом, рискующем жизнью`.*

Формально `большое количество, много` выражается путем противопоставления `один – два` или же `ноль – два`: *Два одному – рать; На рубль работы, на два похвальбы; Грош за него дать мало, а два – много; Где два, там не один; Ум добро – а два лучше; Есть в два горла; Орать в две глотки.*

4. Значение «невозможность».

Числительное *два* выступает интенсификатором с целью подчеркнуть неосуществимость какого-либо дела: *Сшито на одного, так на двоих не наденешь.* Числительное *два* и его производные употребляются со словами, обозначающими уникальные денотаты (*солнце, месяц (=луна), лето* и т.д.), или называют ситуации, которые не могут повторяться: *Дважды молодцу не бывать; По дважды не умирают; По дважды в год лета не бывает; Не два месяца светят, не два солнышка греют; Две молодости не перейдешь; Не два века жить; Два века не изживешь; Два века еще никто на земле не жил; Двух правд не бывает.* Фразеологизмы с указанным значением выражены обычно синтаксическими конструкциями с негацией: *В озере два черта не живут; Не по две дани с дыму; Глухому поп по две обедни не служит.*

5. Значение «быстро».

В данной группе содержатся фразеологизмы, которые характеризуют быстроту действия, моментальность, мгновенность и реализуют положительные коннотации. Обычно они строятся по модели числительное *два* + существительное: *в два счета; в два огляда; на два слова.*

Сами существительные также имеют семантику быстрого действия и поддерживают это значение: *огляд* = *взгляд* – быстрое действие; *счет* = *считать* – быстрый процесс. Это же передается и в ФЕ: *Раз – два и готово*. В ФЕ *Живо – два* – семантика быстроты актуализируется с помощью лексемы *живо*.

6. Значение «долго».

Фразеологизмы, антонимичные предыдущей группе, характеризуют долготу действия. В каждом из них содержится лексема *век*, что подчеркивает значение долгого времени: *Береженная посуда два века стоит*; *Два века не жить, а век – не тужить*.

7. Значение «абсолютное тождество».

Это значение является символическим, обусловленным славянской мифологией [Осипова 2008] . Во фразеологизмах два парных предмета призваны выразить одинаковые свойства/качества двух людей: *Два сапога – пара*; *Гусь да гагара – два сапога пара*; *Два лаптя*; *Два сапога – пара, и оба на левую ногу*. В другом случае предметы отождествляются по внешним признакам: *Как две капли воды*.

8. Значение «неопределенность, двойственность».

Эта группа фразеологизмов в основном представлена прецедентными текстами из литературных произведений или крылатыми выражениями. Идиомы *Между двух огней*, *Между двумя стульями сидеть*, *На два фронта*, *Меж двух остаться наголо*; *Двум господам служить* содержат или подразумевают в себе предлог *между/меж*, указывающий на пространственное положение чего-либо среди других предметов. Находясь в таком положении, субъект стоит перед выбором, но не всегда может его сделать. Эти ФЕ имеют, как правило, отрицательную коннотацию. К данной группе относится и ФЕ *Ни два ни полтора*.

9. Значение «несовместимость».

В данной группе содержатся фразеологизмы, в семантике которых выражена идея соперничества и вражды живых существ. Фразеологизмы со значением несовместимости двух одинаковых особей выражены обычно синтаксическими конструкциями с негацией:

Две бараньи головы в один котел не положишь; Два коты в одном мешке не улежатся; Два медведя в одной берлоге не живут; Два черта не живут в болоте; Две собаки из одной миски лакать не станут; Две гусыни в одном гнезде не усидят.

10. Символ потустороннего мира, значение разделения миров.

Число *два* может символизировать потустороннюю негативную силу. Так, идиома *Черта с два!* выражает отрицательную оценку. Здесь *два* усиливает негативный компонент семантики своего контекстуального партнера. Существует верование, что черта и другую нечисть можно сразить только одним ударом: если же ударить дважды, он снова оживет и даже удвоится. Мотив *Черта-с два!* нашел свое отражение в фольклоре южных и восточных славян.

11. «Пищевая» ситуация.

Представления о благоприятных жизненных условиях описываются через «пищевую» ситуацию, когда удвоенное количество пищи мыслится как показатель удачливости: *По две горошки на ложке `о везучем человеке`.*

12. **Ситуация одновременного выполнения двух активных действий** мыслится как «аномальная»: *за двумя зайцами погнаться, убить двух зайцев.* Интересно, что сам процесс одновременного выполнения двух дел оценивается скорее отрицательно, тогда как результат маркирован исключительно положительно.

Числительное *второй* во ФЕ может также выступать в собственном значении, определяя место предмета/явления в порядковом ряду: *Первая зазнобушка – свекор да свекровушка; вторая зазнобушка – деверь да золовушка; Первое замужество не скрасило, второе – не вызолотит; Первая роса ледовая, а вторая – медовая;*

Первую рюмку ты берешь, а вторая тебя хватает; Первую дочь бери по матери, а вторую по сестре. Структура таких ФЕ одинакова, состоит из двух частей, в каждой из которых описаны две сопоставляемых ситуации.

Однако и здесь может развиваться оценочное значение. Например: *первую рюмку ты берешь, а вторая тебя хватает – второй* приобретает оттенок «лишний, ненужный», отрицательную коннотацию.

Во ФЕ *первая роса ледовая, а вторая – медовая – второй* получает положительную коннотацию.

Идея повтора как идея второго, некой копии, «снятой» с первого элемента, степень точности которой может варьироваться. Такой повтор может не получать ярко выраженной оценочной окраски. Между двумя объектами могут задаваться такие отношения, когда *второй* является полноценной и потому позитивно окрашенной копией первого: *второй хлеб* `о картофеле`, *второй дом* `о месте, где человек чувствует себя комфортно, как дома`.

Если речь идет о двух объектах как о некоем единстве, то *второй* может оцениваться как дополнительно-необходимый, равноценный *первому*. Этот смысл характерен для сферы социальных и личных отношений: *вторая рука* `самый близкий помощник, правая рука`, *вторая половинка* `о жене/муже, возлюбленной/возлюбленном`.

Значение качественное у числительного *второй* в устойчивых сочетаниях развивается по нескольким направлениям.

1. Подобный первому по значимости, такой же важный: *Вторая натура* – с положительной коннотацией.

2. В оппозиции к нему развивается противоположное значение «незначимый, неважный»: *Вторую скрипку играть; Второй и третьей руки; Отойти на второй план* – с отрицательной коннотацией.

3. Оценочная семантика проявляется и через оппозицию «норма-аномалия» [Шабалина 2010]. Отклонение от нормы получает определенную оценку.

С наибольшей регулярностью идея нормы и аномалии прослеживается в семантике числительных, функционирующих в составе лексем и фразеологизмов, внутренняя форма которых образована по модели «числительное + название органа тела»: *из вторых уст; из вторых рук*.

Аномальное появление вторых губ мыслится как негативное, неверное, поэтому значении ФЕ *из вторых уст* – «через посредников» имеет отрицательную коннотацию. В ФЕ *из вторых рук*, на первый взгляд, нет аномалии, потому что у человека две руки. Однако, как пишет Е.В. Шабалина, «идея, легшая в основу, вполне понятна: в качестве нормы осознается наличие одной «активной» руки (правой). Любопытно, что такая функциональная неравноправность левой и правой рук имеет довольно четкое языковое закрепление. Так, функции социального взаимодействия приписываются только одной (активной) руке, сравнивая выражения типа русского литературного *предложить руку и сердце, протянуть руку помощи* и т.п. Такое функционирование руки в *singularis* воспринимается как норма, что принципиально отличает ее от иных парных частей тела – прежде всего ног»

[Шабалина 2010: 77]. Типичная процедура счета/измерения не предполагает оценочной атрибуции объектов, основная цель ее – помещение предмета в числовой ряд и определение его места в этом ряду: ср. *два стола, второй человек*. Однако в устойчивых сочетаниях, содержащих числовой компонент, числительное, помимо количественного, может получить также качественное наполнение.

Числовые аномалии описывают жизненные циклы, окрашивая значение ФЕ положительной коннотацией: *вторая молодость* (прилив физических и духовных сил в зрелом, пожилом возрасте).

Семантика *второго* как содержательно иного проявляется в номинациях — культурных прецедентах: *второе пришествие* `по христианскому учению: второе появление Иисуса Христа на земле для суда над людьми и для воскрешения мертвых` (отдаленное будущее, время, которое неизвестно когда наступит, неопределенно далекий срок).

Собирательное числительное *оба* обладает более узкой семантикой. Главная идея, которую оно передаёт, заложена во внутренней форме – это идея близости на основе сходства. Такое выражение выражается в следующих ФЕ: *Оба свата святы, да больно косматы; Оба лучше (оба ничего не стоят); Оба хуже (о так называемом ложном выборе, т.е. ситуации, в которой оба предлагаемых варианта решения проблемы - неприемлемы); Оба луки, оба туги (О взаимной неподатливости, неустойчивости людей)*. Числительное *оба* в большинстве ФЕ является интенсификатором: *в оба конца лить*. Обычно в этой функции числительное сочетается с названиями парных частей тела: *руки, глаза, ноги, щеки* – и подчеркивает интенсивность выполняемого действия: *Ухватиться обеими руками* (Воспользоваться чем-либо, использовать что-либо с чрезвычайной охотой, желанием и заинтересованностью); *Подписываться*

обеими руками (охотно и полностью соглашаться с чем-либо); *В оба глаза смотреть* (С напряжением, вниманием смотреть); *Хромать на обе ноги* (Иметь незначительные пробелы в знаниях, в подготовке, в том, что положено знать, уметь и т.д.); *Уплетать за обе щеки* (Есть с большим аппетитом, жадно).

Во ФЕ *класть на обе лопатки* числительное выражает характер целостность/завершенность ситуации.

В некоторых случаях полнота функций, выполняемых теми и иными органами и частями тела, акцентируется числительным *оба* без указания на сам денотат. Но в таких ФЕ употребляется глагол со специализированной семой, с включенным актантом [Михайлова 1998]: *Смотреть в оба* (Очень внимательно, пристально, не упуская ничего из виду); *Глядеть в оба* (Вести себя крайне осторожно, осмотрительно).

ФЕ *гляди в оба* имеет несколько структурных вариантов: *Гляди в оба, да не разбей лба*; *Гляди в оба да оглядывайся*; *Гляди в оба, а зри в три*; *Гляди в оба, зри в три, а придет пора, наглядишься и в полтора*.

2.3. Лексема *семь* в русской фразеологии

В Словаре Н.М. Шанского определена ближайшая этимология: род. п. *семиг*, укр. *сім*, род. п. *семиг*, блр. *сем*, др.-русск. *семь* (уже в Изборн. Святосл. 1073 и 1076 гг.), ст.-слав. *седмь* ꙗꙗꙗ (Супр.), болг. *седем*, *седъм*, сербохорв. *се?дам*, словен. *se-tdKm*, чеш. *sedm*, словц. *sedem*, польск. *siedm*, в.-луж. *sedom*, *sydom*, н.-луж. *sedum*, полаб. *Sedm*. т. е. числительное *семь* известно всем славянским языкам.

Дальнейшая этимология: Праслав. **sedmь* является новообразованием от **sedmь* "седьмой", греч. *›bdomoj* по типу **peštь* : **peštь*, *«*estь* : *«*estь*. Эта

форма заменила *setь из и.-е. sept—•. Ср. лит. septyni°, лтш. septinši, др.-инд. sapta, авест. hapta, греч. ἑπτῆ, лат. Septem.

В современных словарях русского языка лексема *семь* представлена в одном значении:

1. в значении числительного. Число 7. *Семь бед – один ответ.*

Лексема *семеро* в МАС:

1. *числ.собир.* Семь. *Семь женщин и семеро мужчин.*

Лексема *седьмой* в МАС:

1. *Числ. порядк.* к *семь*. *Седьмой час.*

Словарь Тихонова представляет такое словообразовательное гнездо:

семь

се'м-**ер**(о)

семер-**к**-а

семер-**и'к**

семерик-**о'в**-ый

семери'**ч-н**-ый

семер-**н**-о'й

в-се'мер-**о**, нареч.

в-семер-**о'м**, нареч.

у-семер-**и'**-ть

усемери'ть-**ся**

усемер-**я'**-ться,,1

усемер-**я'**-ть

усемеря'ть-**ся**,,2

се'мь-**ю**, нареч.

сем-**и'ш/ник**

сем-**и'т/к**-а,,II семитка I *См.* семит

сем-**на'дцать**

В указанном гнезде присутствуют дериваты-существительные, представляющие пассивный слой словаря: *семери́к*, *седми́ца*. Устаревшие единицы свидетельствуют об активности этого числа в истории русского народа.

Активность числительного *семь* как выразителя качественной семантики во многом поддерживается мировой культурной традицией, транслирующей представление о числе 7 как о сакральном. Точно указать истоки такого представления вряд ли возможно. Так, исследователи связывают частотность *семи* с некогда бытовавшей семеричной системой исчисления или же со способностью человека одновременно воспринимать множество не более, чем семи предметов. [Миллер 1964, 192-194].

В мировой культурной традиции представление о числе 7 появляется путем сложения 3 как выразителя динамической целостности и 4 как выразителя статической целостности. Якубовская Т. в своей книге, посвященной числу семь – «великой загадке древности», предприняла попытку обнаружить связь числа семь с современными научными достижениями и представлениями. Сопоставляя понятия и объекты, стоящие за числами и принадлежащие разным народам, автор приходит к выводу, что за этими числами скрываются некие законы природы, как известные, так и неизвестные пока современной науке [Якубовская 2008].

Семерка активно функционирует в традиционной культуре русских и других славян. Как отмечает Ш. Баясгалан, стоит отметить беспрецедентную употребительность данного числа в русских фразеологизмах, устойчивых сочетаниях и пословицах. Возможно, это обусловлено популярностью этого концепта в христианской культуре [Шондуг Баясгалан 2006]. Вместе с тем концепт числа *семь* можно отнести к понятийным универсалиям разных культур. Например, общим для русского и монгольского языков является употребление его в значении неопределенно-большого количества. В большинстве случаев также можно говорить о ритуальном употреблении — *семь* является как бы символом числа вообще. Ученые признают, что

культурная значимость ФЕ значительно повышается, если в его состав входит символическая составляющая [Баранов, Добровольский 2008: 268].

Античные авторы выделили, как уже говорилось, величественные архитектурные памятники в семь чудес света. Так и возник фразеологизм *Семь чудес света*. В разговорной речи одним из семи чудес света называют что-либо замечательное и великолепное. Древние греки считали, что небо состоит из семи неподвижных хрустальных сфер, на которых утверждены звезды и планеты.

Седьмое небо, самое высокое, было местом пребывания Бога и ангелов. Об этом рассказывается в священной книге мусульман «Коране», который будто бы был принесен с неба ангелами к людям с седьмого неба. Сейчас ФЕ *на седьмом небе* означает высшую степень радости и счастья.

Числительные *семь, седьмой, семеро* в некоторых случаях сохраняют прямое количественное значение: *Семь крутых утренников: три до Власья, один на три после Власья; Семь перемен, а все редька: редька триха, редька ломтиха, редька с квасом, редька с маслом, редька в кусочках, редька в брусочках да редька целиком; Семь смертных грехов; У кобылы хоть семь жеребников, а ей свой хомут; У кошки семь жизней; Семь раз распори, а похерку на руку не бери; А ты, седьмой, у ворот постой; Семеро капралов, да один рядовой; Семерых молодых заменит; Не строй семь церквей, а вскорми семь сирот детей; Семерых молодых за пояс заткнет.*

Однако идиоматическая природа ФЕ нейтрализует значение, и числительные выступают как показатель обобщенного количества.

Осмысление *семи* как показателя малого или большого количества зависит не только от того, с какими конкретными реалиями соотносится данный числовой показатель, но определяется также и расположением счетных

предметов в пространстве относительно друг друга: ср. диал. *волок* — *семь ёлок* 'незначительное расстояние' (*волок* 'лесная гужевая дорога; дорога вообще'). Если пред нами лесное пространство, то очевидно, что расстояние «в семь елок» будет незначительным.

Как показатель **неопределенного множества** *семь* может указывать

– на количественную совокупность: *лук от семи недуг*; *Суп из семи круп*; *Чем семерых посылать, лучше самому побывать*; *Сам не дерусь, семерых не боюсь*; *Семеро в семье и все большие (все хозяева)*; *Семь раз поели, а за столом не сидели*; *Всемером пойдем — далеко уйдем*; *Мотоват да не женат — одному себе внаклад, а женат да мотоват — семерым живет внаклад*. *Семьдесят семь болезней — семьдесят семь травок*. В приведенном контексте находит отражение культурной и языковой мотив *семи/ семидесяти семи* трав, способных излечить от соответствующего количества болезней. *Баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает* — заметим также, что числительные типа *семьдесят семь* и *семью семь* интенсифицируют семантику семерки и поэтому рассматриваются нами как ее варианты.

Семеро с ложкой 'о большом количестве людей, которых нужно накормить'; *семеро понять (разобрать) не могут (кого-л.)* 'о человеке с невнятной речью'; *семеро на полатях: семеро и горох молотят; семи пестами ступе (в ступе) не угодишь* 'с кем -либо невозможно наладить дел'; *Семеро на одном колесе проехали; семеро по лавкам*. Такое значение передается, главным образом, не количественным, а собирательным числительным *семеро*, что соответствует лексико-грамматическому значению собирательных числительных вообще.

– на долгий срок. Во ФЕ с таким значением *семь* сочетается со словами с временной семантикой: *Семь лет не виделись, а сошлись — и*

говорить нечего; Семь лет, как видел коровий след, а все молоком отрыгается; Семь лет молчал, на восьмой вскричал; Семь лет мак не родил, а голода не было; Семь лет маку недород, а голода не было; Семь лет работать, а спать — на себя; Не хвались женой в семь ден, а хвались в семь лет.

– на размер единичного предмета: *семеро под коленки `высокий`* — в данном случае «единицей измерения» служат люди нормального роста.

Большое количество передается в следующих ФЕ: *не велик городок, да семь воевод; семеро плотников прямо столб не поставят; у семи нянек дитя без глаза; на одних подметках семи царям служил; на одного доброхота по семи завидчиков; на всякого крестьянина по семи баринов; плохо — у одной овечки и семь пастухов; У семи дворов один топор, да и тот без топорщица. Макар поклон, а Макар на семь сторон.* Существительные со значением лица в сочетании с числительным называют множество лиц, присутствие которых в описываемых ситуациях не является возможным или противоречит здравому смыслу.

Для интенсификации семантики **неопределенного множества** используется противопоставление «один/три/восемь — семь», тождественное оппозиции «мало-много». Часть ФЕ, где присутствует лексема *один/три/восемь* содержит положительную коннотацию и чаще всего подчеркивает негацию второй части с компонентом *семь*: *Один пашет, а семеро руками машут; Кто украл — у того грех, у кого украли — у того семь; Один с сошкой — семеро с ложкой; Нужда семерых заставила, а радость одному досталась; Семеро с пером — один с топором.* Однако бывает и наоборот: положительную коннотацию имеет часть ФЕ с лексемой *семь*. *Лучше семь раз покрыться потом, чем один раз инеем; Один пьет — семерым мошну рвет; Лучшие семь раз гореть, чем один раз овдоветь.* Часто такая оппозиция встречается в

паремиях и загадках: *семеро капралов над одним рядовым; господня — семь огородов, одна дыня!*; *семь сел, один вол, да и тот гол; на семь деревень одна лошадь; одного богатило, семь волостей по миру пустило (вино); в Вильне семь дорог для жида, да три для поляка*. В устойчивых выражениях *семеро одну соломинку поднимают; один рубит, семеры в кулаки трубят* актуализируется сема неопределенного множества лиц с помощью лексемы *семеро*, которая является производным от *семь* и в предложении выступает в роли подлежащего без зависимого существительного. Встречаются паремии, в которых *один* выступает как элемент числового ряда, «покрывающего» собой множество из семи элементов: *семь бед — один ответ; семь раз примерь, один раз отрежь; семь раз доверься — один проверься*.

Встречаются паремии, в которых *один* выступает как элемент числового ряда, «покрывающий» собой множество из семи элементов: *семь бед — один ответ; семь раз примерь, один раз отрежь*.

Существует группа ФЕ с лексемой *семь*, семантика которых балансирует на грани неопределенного большого количества и интенсивности: *из пяти перстов не видит ни одного, а один в глазах семерит* `о пьяном человеке, который нетвердо идет, мельтешит`. Думается, что значение «мельтешить» обусловлено визуальным восприятием движения человека. Кроме того, вполне возможна контаминация с лексемой *семенить* `идти, делая частные, мелкие шаги`.

В следующих идиомах лексема *семь* приобретает семантический оттенок **интенсивности**: *семеры яства, а все грибы (все одна редька,) `в пост`;* (*наговорить, наболтать*) *семь бочек арестантов* `наболтать много лишнего, глупостей, нелепостей`; *на семи соборах не догнать* `невозможно опередить или сравняться`; *на семи базарах куплены* `о бойких, живых глазах`; *в семи*

ступях толченный `бывалый, с большим жизненным опытом`; из семи печей хлебы едал `бывалый`; купался в семи водах `об опытном, бывалом человеке`. За семью печатями, за семью морями, за семью замками актуализируется сема `крепко`, `надежно`, `тщательно`, что-либо спрятано, скрыто, охраняется.

*Семь выступает и как усилитель семантики негативного физического состояния человека, а также действий, вызывающее это состояние. В таких случаях *семь* чаще всего сочетается с лексикой из сфер физиологии и соматики: *до седьмого пота* `до крайнего утомления, до полного изнеможения (работать, трудиться)`; *сгонять семь потов, семь шкур спустать* (с кого) `изнурять, изматывать тяжелой работой`.*

*Множество, проецированное на горизонтальное пространство, рождает семантику интенсивной удаленности: *на седьмой порядок* `далеко (от дома)`; *на седьмой версте* `далеко`; *за седьмую версту* `далеко, на значительном расстоянии`; *к семи соснам* `далеко`; *за семью горами* `далеко, неизвестно где`; *семь верст до небес и все лесом* `очень далеко`; *дураку семь верст не крюк* (для бешеной собаки). Идея пространственной удаленности коррелирует с идеей недоступности, и потому может наделяться негативными смыслами. Культурный мотив семи печатей и семи замков довольно активен в русском языке: *за (под) семью замками; за семью печатями* `под строгим присмотром`.*

*Величина расстояния в семь верст может обыгрываться через парадоксальную ситуацию, в которой «значительное» расстояние преодолевается с «незначительной целью»: *за семь верст киселя хлебать* `далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. п. Куда-либо`. Однако дальний путь не длинен к милому сердцу, любимому человеку: *К милому семь верст не крюк; Для друга и семь верст не околица*.*

Пространственная удаленность может также стать основанием для осмысления родственных связей: *седьмая вода на киселе* `очень дальний родственник`; *до седьмого колена* `об отдаленной степени родства`; *от седьмой свиньи поросенок* `дальний родственник (чаще - о сомнительном родстве). Компоненты - числительные в составе ФЕ могут также реализовывать комбинированные значения, которые возникают на периферии семантических полей количества и пространства, количества и времени. Символическая семантика числа *семь* частично мотивирует данное значение выражений, так как в представлении некоторых народов небеса состоят из семи уровней, а тот, кто попадает на высший, седьмой уровень, испытывает вечное блаженство. А.Ю. Моклакова отмечает, что часто числительные в составе русского и английского языков, реализующие количественно-пространственное значение, семантически существенно отличаются. Так, только в русской фразеологии компонент числительное *семь* выражает сему неопределенно-большого количества в составе таких выражений как: *за семь верст киселя* и *семь верст до небес и все лесом*. Здесь семантическое ядро числительного *семь* утеряно, но на уровне внутренней формы данный компонент частично мотивирует значение оборота, так как в русском фольклоре *семь* имеет особые магические ассоциации и выражает общее понятие множества [Моклакова 2008].

Числительные *семь/семеро* в ФЕ могут выступать как показатель аномалии. Позитивные числовые аномалии могут описывать физические и интеллектуальные достоинства человека: *семи пядей во лбу* `очень умный, мудрый, выдающийся`. В этом случае *семи пядей во лбу* количественная характеристика лба (который, очевидно, представляется «вместилищем» ума) переходит в качественную характеристику интеллекта.

В сочетании с лексемами, называющими дни недели, числительное *семь* задает парадоксальную ситуацию, когда один и тот же день недели повторяется семь раз, отсюда семантика изменчивости и непостоянства, из которой затем может развиваться идея недостоверности (по принципу «что изменчиво, то неистинно»): *семь пятниц на неделе* (у кого) `кто-либо часто меняет свои решения, намерения, настроения и т. п.`; *у бабы семь пятниц на неделе*; *семь четвергов на неделе* `много небылиц`; *дожидайся год и семь суббот*; *на одном дне семь пятниц*; *семь четвергов и все в пятницу*.

Нарушенное представление о дне как о некоем однородном континууме (в данном случае — в отношении погодных условий) воплощается в идиомах: *день семером ходит* `о чьем-либо непостоянстве`; *на семерых ездить* `о часто меняющейся погоде`; *сентябрьский час — семь погод у нас*.

Идея переменчивости и непостоянства, задаваемая числовым показателем, проецируется на сферу моральных качеств: *на семерых ездит* (о человеке без твердых убеждений); *Когда злой бываю, семерых убиваю* (об очень злом человеке); *семь раз по-твоему, да хоть раз по-моему*.

Проецируясь на сферу интеллектуальных свойств, совокупность из семи элементов осмысливается как недостающая часть интеллекта: *до рубля семь гривен не хватает* `о психически ненормальном или очень ограниченном человеке`.

В выражении *потерял пять, а нашел семь*, которое представляет собой числовую аномалию в наиболее чистом виде, задается ситуация счетного парадокса, которая представляется неправдоподобной и соотносится с воровством.

Под семью когтями `в полной зависимости` семерка в сочетании с лексемой *коготь*, принадлежащей сфере «животная соматика» и наделенной

потенциальной семантикой негативной интенсивности, задает «числовую аномалию» и таким образом интенсифицирует негативную семантику.

Таким образом, числительное *семь*, представленное в ФЕ, не несет ярко выраженных оценочных коннотаций. Однако, связываясь, с одной стороны, с представлениями человека о мире (семь дней недели) и мировыми культурными прецедентами (семь великих архитектурных памятников Древнего мира), а с другой — с библейской традицией (семь ангелов, семь главных грехов), *семь* транслирует идею целостности и завершенной совокупности: *семь дней в неделе; семь звезд в венце; седьмой день Божий; семь чудес света. На семи ветрах* `на пересечении всех дорог, на открытом, оживленном месте`.

Семь выступает как интенсификатор негативного отношения к объекту, при этом важно, что негативная интенсивность *семи* подкрепляется связью с лексикой из сфер религии и народной демонологии. Источником этой связи становится славянская культурная традиция. *Хоть бы тебя черти семеро побрали!* `пожелание плохого кому-л.`; *Семь бы стрел и усовьев тебе в бок!* `болезнь колотье, внутреннее воспаление`.

Семь функционирует в выражениях, образно номинирующих благоприятную для человека ситуацию: *в рай на семи лошадях* `к чему-л. Благоприятному`.

Числительное *семь* в сочетании с наименованиями пространственных объектов интенсифицирует семантику удаленности. Однако выражение *поди к семи соснам!* `восклицание, выражающее неудовольствие` мы относим к культурной ситуации счета, так как по форме и по прагматической установке оно представляет собой проклятие. Поскольку адресат проклятия чаще всего

«отсылается» в некое потустороннее пространство, то *семь сосен* можно считать более мягким коррелятом такого сочетания, как *семь чертей*.

Сакральные коннотации числительного *семь* усиливаются за счет функционирования в сферах «соматика» и «религия и мифология». В сочетании с религиозной и мифологической лексикой *семерка* способна активизировать семантические компоненты религиозной лексики. Кроме того, *семь* интенсифицирует негативные семантические компоненты лексики из сферы народной демонологии.

2.4. Лексемы сто/сотня в русской фразеологии

Лексема *сто* происходит от праслав. *sъto, от кот. в числе прочего произошли: др.-русск. съто, ст.-слав. съто (др.-греч. ἑκατόν), русск., укр., белор. сто (род. п. мн. ч. сот), болг. сто, сербохорв. стѠ, чешск., словацк. sto, польск. sto (род. п. мн. Set) и имеет только две формы – прямую (им.п и вин.п.) и косвенную (*ста*).

Лексема *сто* представлена в МАС и БАС как количественное числительное в следующих значениях:

1. Число 100.

2. *Разг.* Служит для выражения неопределенно большого количества в значении: много, очень много.

3. (*в старых формах косвенных падежей*: ста, сот, стам, стами, о стах). В сочетании со словами: «много», «несколько» и т.п. употребляется как счетное существительное со значением: сотня. *Сто* в значении существительного ('количество 100', 'сотня') употребляется только в косв. пад. мн. ч. обычно в сочетании с числ. *много* и *несколько*: род. п. *сот* (*несколько сот рублей*), дат.

п. *стам* (нескольким *стам* рублей), тв. п. *стами* (редко: с несколькими *стами* рублей), предл. п. *о стах* (Напечатано много сведений о нескольких *стах* деятелей. И. Грабарь).

Встречающиеся сочетания типа *в нескольких стах письмах* (газ.); *в нескольких стах метрах* (Симон.), в которых *сто* не управляет существительным, а согласуется с ним в падеже (т. е. выступает как числительное), не нормативны. В подобных случаях рекомендуется употреблять формы сущ. *Сотня в нескольких сотнях писем, в нескольких сотнях метров* [Грамматика-80].

Кроме того *сто*... функционирует как первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) имеющий сто одинаковых признаков, предметов и т.д., например: *стомоторный*; 2) состоящий из ста частей или мерой в сто каких-л. Единиц, например: *стоведерный*; 3) состоящий из большого количества, из сотен каких-л. частей, предметов, например: *стоголовый*.

Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой предлагает еще одно значение: обладающий стоимостью сто денежных единиц: *сторублевый*.

Однокоренное существительное *сотня* имеет помимо количественного смысла исторические значения. МАС дает следующие определения *сотне*:

1. Единица счета; то же, что *сто* (об одинаковых предметах, явлениях и т.д.)
2. Название третьей от конца цифры многозначного числа.
3. Большое количество, множество кого-л., чего-л.
4. Войсковая единица в русской армии (в стрелецких полках) в 16-17 вв.

5. Войсковое подразделение в казачьих войсках дореволюционной России, соответствовавшее эскадрону в регулярных кавалерийских частях.

6. Цеховая организация у ремесленников, торговцев, промышленников в Русском государстве 12 – 17 вв.

Аналогичные толкования лексемы *сотня* представлены в БАС и словаре Т.Ф. Ефремовой, но также дают еще 2 определения:

1) На Украине в конце XVI-XVIII вв. – военная и административно-территориальная единица.

2) В Русском государстве XII-XVII вв. – внутрисословное объединение купцов.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля представляет более богатое семантическое микрополе *сотни*:

1. сто, десять десятков, два с половиною сорока.

2. Встарь полки делились на сотни; жители Новгорода и пригородов его, по промыслам, делились на сотни, и писались: сотня гостиная, суконная и пр. Казачьи полки и ныне разделены на сотни, в которой однако же полагается более ста человек.

3. Сотный и сотенный, к сотне относящийся. Сотная грамота, сотная лихва. Сотенные и торговые (люди) подносили хлебы с солью. Сотенный голова или сотник, начальник сотни.

4. Сотник стрельцов. Казачий сотник, армии поручик. Сотница стар. купеческая и городовая сотня. Сотница или сотничиха, жена сотника. Сотничество, звание сотника. Сотничать, быть сотником, занимать должность эту;

5. Сотенник. арх. зажиточный человек, у кого сотни рублей в запасе.

6. Сотка. Знак на щебенной дороге, через сто саж.

7. Сотский, род полицейского надзирателя, по выбору из крестьян; звание крайне униженное: сотские, как и десятские, обратились в служителей и в рассыльных чинов полиции. Встарь, в Новг. под тысяцким было десять сотских, кроме кончанских и уличанских старост, да по одному в малых пригородах.

8. Сотый, следующий, по счету, за девяносто девятым. В сотый раз я говорю тебе, не делай этого!

В Словообразовательном словаре Тихонова представлено следующее словообразовательное гнездо:

со'т-к-а
со'т-н(я)
 со'тен-к-а
 со'тен-ник
 сотн-я'г(а)
 сотня'ж-к-а
со'тен-н(ый), I, прил.
 со'тенн-ый, II, сущ. Командир сотни
со'тн-ик
 со'тнич-их-а
 со'тник-ов
 со'тнич-ий
 со'тниц-к-ий
по-со'тен-н(ый), I
 посо'тенн-о, I
пол/со'тни
пол-у-со'тня
пол/со'тня
черн-о-со'тен(-ец)
черносо'тен-к-а
черносо'тен-ств-о
черносо'тен-н-ый, I
со'т(-о-ый)
 со'т-ая, сущ.

со'т-енн(ый), III, прил.
со'тенн-ая, сущ.
со'т-ск-ий, сущ.
по-со'т-енн(ый), II
посо'тенн-о, II

Как мы видим, это словообразовательное гнездо наиболее полно отражено в словаре В.И. Даля.

Вторичные значения лексемы *сто* закрепились прочно в языке и во фразеологизмах.

Каждое двузначное число путем суммирования составляющих его цифр может быть сведено к однозначному, которое следует считать его скрытой сущностью. Такое однозначное число относится к двузначному как сущность к явлению. Если однозначные числа являются божественными и архитипическими, то двузначные числа можно определить как «числа творения». Поскольку акт творения в Китае считается священным, то и двузначные числа несут в себе и священный аспект. Числительное *сто* в Китае и России не несет никакой символической, эмоциональной нагрузки. Данное число не отмечено ни в одном из использованных нами источников, дающих интерпретацию символики чисел.

2. Интенсификатор «много».

По словарю МАС И БАС *сто* служит для выражения неопределенно большого количества чего-либо. В китайском языке *сто* означает *много* для исчисляемых предметов, например, «сто фамилий», что переводится как «простой народ». Семантическое ядро этого числительного в русском и китайском языках сходны, и это отражено в ФЕ русской культуры: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; В добрую голову – сто рук; Для матери ребенок до ста лет детенок; Ехать за сто верст киселя хлебать; Живи просто,*

проживешь со сто; За доброго человека сто рук; Лучшие ста рублей сто друзей; Сто голов – сто умов; Во сто крат; На все сто; Давать сто очков вперед; Сто лет думай, а лучше не придумаешь; Сто одежек и все без застежек; Сто голов – сто умов; сто лет в обед; Сто путей, сто дорог для тебя открыты (Цирк); Сто сот стоит; Чванства на сто рублей, а животов на три полушки; Шейка копейка, алтын – голова, сто рублей – борода; Сто чертей и одну ведьму тебе под ребро; Сто чертей в печенку его матери; У сотни бездумных найдешь и умных; Без рубля не полна сотня.

2. Интенсификатор «много-мало».

Оппозиционные группы «много – мало», «один – другой» очень частотны при глубоком анализе числительных во фразеологизмах. Так и числительное сто со значением *много* противопоставляется другому наименьшему числу (в основном 1 к 100): *Лучше один раз своими глазами увидеть, чем сто раз услышать; Где просто – там ангелов по сто, где мудрено – нет ни одного; У богатого сто рублей лежит, а у бедного остальной бежит; Цена зайцу – две деньги, а бежать – сто рублей; Сто малодушных не заменят одного храброго; Сто к одному; Верный друг лучше сотни слуг.*

3. Интенсификатор «неопределенно малое количество». ФЕ со значением *мало* содержат в себе материальный (финансовый) контекст: *Сто рублей не деньги, сто лет не старуха, сто верст не расстояние; Сто рублей не деньги; Сто рублей не деньги – семьдесят лет не старуха; Сто рублей тебе на мелкие расходы; мне плёв пять рублёв, а сто — не деньги.* В основном, в составе таких фразеологизмов использована синтаксическая конструкция с негацией, что еще больше усиливает неопределенно малое количество. В словосочетании *Первой сотни, да не первой тысячи* сотня является

показателем малого количества, что не типично для фразеологизма, который построен по типу оппозиции двух чисел.

Заключение

Числительное постоянно балансирует между двумя полюсами денотативной отнесенности: с одной стороны, это связь с конкретными объектами счета, что обеспечивает его конкретность и однозначность; с другой стороны, символические смыслы, позволяющие воспринимать число как качественно нагруженный знак, не привязанный к конкретному количественному значению. В этом отражается смешение логико-«математического» и наивного осмысления счетной процедуры. Такой процесс свойствен людям вообще, и поэтому многие символические значения числительных совпадают в разных лингвокультурах. Вместе с тем наблюдаются национально специфические символические значения числа, которые с особой яркостью проявляются во ФЕ.

В культурной традиции каждое из чисел первого десятка имеет свою символическую мотивировку. Тогда как языковых фактах отражаются не все компоненты числового ряда от одного до девяти, и это позволяет говорить о лакунарности наивно-языкового числового ряда по сравнению с общепринятым «математическим». В ряду наиболее «активных» числительных находятся *два, три, семь*. Представление об остальных компонентах числового ряда первого десятка в языке воплощается в единичных фактах.

В результате проведенного исследования удалось установить, что:

- Имена числительные отражают прототипические черты устойчивых выражений, компонентами которых они являются, и создают нумеративную группу во фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка;
- Данные числительные в составе устойчивых выражений претерпевают качественные семантические изменения; они частично

утрачивают свое прямое лексическое значение количества и используются как интенсификаторы тех идей, которые заложены в выражениях в целом;

- За некоторым исключением имена числительные являются обязательным компонентом устойчивых выражений в структурном и содержательном плане.

Лексемы *один/первый* как компонент устойчивых выражений передают прямые значения количества, а также символические значения, связанные с идеями быстроты действия, события, процесса, неопределенно малого количества, неопределенно далекого или близкого расстояния. Кроме того, существенная роль нумератива *один/первый* заключается в том, что, выражая все перечисленные выше значения, он гиперболизирует их и является их интенсификатором. Лексемы *один/первый* отражают прототипические черты устойчивых выражений, компонентами которых они являются.

Лексема *два* (и ее производные) в составе ФЕ также выражают количественные и неколичественные, символические значения. Числительные *два/второй/оба* во фразеологизмах способны реализовывать значения большого и малого количества, превосходства, множества над одним, быстроту, мгновенность, краткость, тождества, целостности, а также значения несовместимости, затруднительного положения, идею лишнего, ненужного. Это связано с диалектичностью данного числа: гармоничность целого, состоящего из двух частей, и недостаточность одного элемента для достижения целостности. В оппозиции `норма-аномалия` числительное амбивалентно. Числительные *два/второй/оба* также часто являются интенсификатором.

Семантический спектр числительного *семь* отличается наибольшей широтой и разнообразием в сравнении с прочими числительными. Если базовой идеей для развития качественной семантики числа 7 в культуре можно считать

идею сакрального количества, то для языка в настоящее время более актуальной является «упрощенная» идея множества как такового. Ведущим смыслом, порожденным идеей *семи* как множества, является интенсивность.

Сто по БАС и МАС является показателем неопределенно большого количества, именно поэтому интенсификатор с данным значением наиболее широко распространен во фразеологизмах русского языка.

Как компоненты ФЕ количественные лексемы претерпевают изменения семантики и приобретают обобщенно количественное или символические значения. Представления о нормативном/ненормативном или малом/большом количестве становятся результатом оценочного осмысления числового ряда. Возникновение символических значений объясняется мифопоэтическими системами, оказавшими влияние на современный русский язык.

Список словарей

1. Аникина, В.П. Русские пословицы и поговорки / В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988.
2. Ашукин, Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1955.
3. Бирих, А.К. Историко-этимологический словарь русского языка / А.К. Бирих. – М.: АСТ Астрель, 2005.
4. Бирих, А.К. и др. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А.К. Бирих, В.Н. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.Н. Мокиенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
5. Большой академический словарь русского языка / Под ред. Л.И. Балахоновой. – СПб «Наука», 2005, 2006, 2009. – т.3, 4, 13.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – 2-е изд. – СПб. - М., 1880-1882. Т. 1-4.
7. Жуков, В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1980.
8. Зимин, В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / И.В. Зимин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.
9. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ: Астрель, 2006.

10. Кожевников, А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / А.Ю. Кожевников. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.
11. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – 2-изд., стереотип. – М.: Русские словари. Астрель, 2001.
12. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина Т.Г. – М., 2008.
13. Мокиенко, В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко – СПб.: Норинт, 2001.
14. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Русский язык, 1986.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М., 1999. Т.2
16. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н.Телия. – М.: Отечество, 1995.
17. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. – М., 1957-1961.
18. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1976,1977,1991, 2005. Т. 3, 4,6, 15.
19. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1988. Т. 14.
20. Словарь символов. Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/chisla.html>

21. Тихонов, А.Н. Учебный фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М.: АСТ Астрель, 2001.
22. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М.: Рус.яз. – Медиа; Дрофа, 2008.
23. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок. 145000 слов / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985.
24. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Том IV. – М.: Астрель АСТ, 2000.
25. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. Том III. – СПб.: Азбука. Изд.центр «Терра», 1996.
26. Федорова, Т.Л. Фразеологический словарь русского языка / Т.Л. Федорова. – М.: ЛадКом, 2011.
27. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов/ Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — 7-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2004.
28. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.- сост. В. Серов. – М.: Локид – Пресс, 2004.
29. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь – справочник: Ок. 1500 фразеологизмов / Р.И. Яранцев. – М.: Рус. яз., 2001.

Список литературы

1. Аошуан, Тань. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. Языки славянской культуры / Т. Аошуан. – М., 2004.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М., 1995.
3. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. — Ростов на Дону, 1964.
4. Арутюнова, Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты / Н.Д. Арутюнова. – М., 1991. С.21-30.
5. Арутюнова, Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Н.Д. Арутюнова. – М., 1995. С. 7-23.
6. Арутюнова, Н. Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / Н.Д. Арутюнова. – М., 1995. С. 34-46.
7. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957.
8. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Либрокон, 2009.
9. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008.
10. Брутян, Г.А. Гипотеза Сэпира Уорфа / Г. А. Брутян. – Ереван: Ар-бук, 1968.

11. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Филологические науки. – 1973. №1. С. 45-69.
12. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997.
13. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Агар, 2000.
14. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996.
15. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1983.
16. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005.
17. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972.
18. Волкова, Н.Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте / Н.Н. Волкова. – Воронеж, 2005.
19. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. – М., 1997.
20. Воробьев, В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. дисс. доктора филол. наук / В.В. Воробьев. – М., 1996.

21. Габрик, Е. Ф. Структурно-семантические свойства фразеологических единиц с фразообразующим компонентом-именем в форме предложного падежа / Е.Ф. Габрик. – Челябинск, 1998г.
22. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты поздравлять и желать // Язык: система и подсистемы / М.Я. Гловинская. – М., 1990. С. 123-135.
23. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия / М.Я. Гловинская. – М., 1992. 0,5 п.л.
24. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно - прагматический аспект / М.Я. Гловинская. – М., 1993. С. 158-218.
25. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры // Характер языка и характер народа / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. С. 370-382.
26. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.
27. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. (1) // Вопросы языкознания / Д.О. Добровольский. – М., 1997. № 6. С.37-48.
28. Зими́на, Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) / Л.И. Зими́на. – Воронеж, 2007.
29. Евдокимова, Е.В. Фразеологизмы с глаголами движения в их отношении к лексико-семантическим полям русского языка / Е.В. Евдокимова. – Уфа, 1995 г.

30. Егорова, Т.И. Фразеологические единицы городской народно-разговорной речи: семантика, источники и способы образования (на материале городов Омска и Горно-Алтайска) / Т.И.Егорова. – Барнаул, 2000.
31. Жолобов О. Ф. Заметки о древнерусских числительных // Русский язык в научном освещении / О.Ф. Жолобов. – Казань, 2004. № 1(7). С. 125-135.
32. Жуков, В.П. Предисловие // Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В.П. Жуков – М.: Просвещение, 1980. – С. 3-15.
33. Жуков, В.П. Русская фразеология: Учеб. Пособие. – 2-е изд., испр. – И доп. / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006.
34. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / В.И. Карасик. – Волгоград-Архангельск, 1996. С. 3-16.
35. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / В.В. Колесов. – Петрозаводск, 1995. С. 13-24.
36. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург-Пермь, 1995.
37. Купина, Н. А. Категории тоталитарного мышления в зеркале языка // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета / Н.А. Купина. – Екатеринбург, 1995.
38. Купина, Н. А. Лингвоидеологические аспекты разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Н.А. Купина. – Екатеринбург, 1996.

39. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследованиях фразеологии / Б.А. Ларин. Учен. Зап. Ленингр. ун-та. 1956. № 198. Серия филологическая. Выпуск 24, С. 200-225.
40. Люй, Цзинь Янь. Фразеологизмы с названиями одежды в русском и китайском языках: Автореф. Дисс. канд. филол. наук / Цзинь Янь Люй. – Воронеж, 2008.
41. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа / О.Н. Ляшевская. – М., 2004.
42. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
43. Мельчук, И.А. Русский язык в модели «Смысл–Текст» / И.А. Мельчук. – М; Вена, 1995.
44. Миллер Дж. Магическое число 7 +/- 2. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология / Дж. Миллер. – М., 1964. С. 192-225.
45. Михайлова, О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О.А. Михайлова – Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1998.
46. Мокиенко В. М. Национальное и интернациональное в славянской паремиологии // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы / В.М. Мокиенко, - М., 2006. Кн. 1. С. 219-249.
47. Моклакова, А.Ю. К вопросу о десемантизации компонента числительного в составе ФЕ русского и английского языков / А.Ю. Моклакова. – М.: Издательство «Элпис», 2008.

48. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – СПб.: Наука, 1977.
49. Осипова, А.А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А.А. Осипова. – М., 2008.
50. Пасечник, Т.Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским / Т.Б. Пасечник. – М., 2009.
51. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
52. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999.
53. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976.
54. Русская грамматика / Главный ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Академия Наук СССР, 1980. Т. 1.
55. Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – Изд 2-е. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
56. Супрун А. Е. Славянские числительные / А.Е. Супрун. – Минск, 1969.
57. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996.

58. Тихонов, А.Н. Русская фразеология // Тихонов А.Н. Учебный фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М.: АСТ Астрель, 2001.
59. Толстая С. М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости / С.М. Толстая. – М., 1987. С. 154-168.
60. Толстая С. М. Семантизация числа в языке народной культуры // Количественность и градуальность в естественном языке Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 11 / С. М. Толстая. – München, 2001. С. 37-46.
61. Топоров В. Н. Число и текст // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике / В.Н. Топоров. – М., 2004. Т. 1. С. 316-332.
62. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Пер. с англ. // Б.Л. Уорф. Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 135-168.
63. Чернева, Н.П. Семантика и символика числа в национальной картине мира: на материале русской и болгарской идиоматики / Н.П. Чернева. – М., 2003.
64. Шабалина, Е. В. Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков) / Е. В. Шабалина. – Екатеринбург, 2010. С. 74-82.
65. Шабалина, Е.В. Двужильный // Русская речь / Е.В. Шабалина. – Екатеринбург, 2009. № 6. С. 106–109.

66. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985.
67. Шао, Наньси. Нумеративные устойчивые выражения в русском языке: Автореф. Дисс. канд. филол. наук / Наньси Шао. – Воронеж, 2009.
68. Шаховский, В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты / В.И. Шаховский. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 80-96.
69. Шевченко, В.В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах / В.В. Шевченко. – М., 2001.
70. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М., 1973.
71. Шондуг, Баясгалан. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков / Баясгалан Шондуг. – СПб., 2006.
72. Якубовская Т. Число семь - великая загадка древности / Т. Якубовская. – Киев, 2008.
73. Wierzbicka, Anna. Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese / Anna Wierzbicka. – New York: Oxford University Press, 1997.